

Б 0403000000-017
ЛР 030464-2003 — без объявл.

Содержание

Перевод с немецкого

© Рашн Ресорсес Пресс, 2000
© Христианское издательство «Триада», 2000
ISBN 5-86181-196-2

Редактор: М. Митичкина
Верстка: О. Воскресенская
Дизайн обложки: О. Харитонов

Лицензия ЛР № 030464 от 23 декабря 1997 г
Подписано в печать 05.03.2003 г. Формат 60x88 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон»
Печ.л.14

Тираж 1000 экз. Заказ №1763
Христианская миссия «Триада»
107023, Москва, Электрозаводская ул., 24.
(095) 963-54-79
info@triad.ru
club@triad.ru
www.triad.ru

Предисловие	5
Глава 1. Сообщество	13
Глава 2. Совместный день	35
Глава 3. День одиночества	69
Глава 4. Служение	83
Глава 5. Исповедь и Святое причастие	101

Предисловие

Серое апрельское утро. 1945 год. Концентрационный лагерь Флоссенбург. Именно там незадолго до освобождения лагерь союзническими войсками был казнен по особому приказу Генриха Иммлера Дитрих Бонхоффер. А в пасхальное утро 1953 года баварские пасторы открыли в Флоссенбургской церкви памятную доску:

«Дитрих Бонхоффер, свидетель Иисуса Христа среди братьев. Родился 4 февраля 1906 года в Бреславе. Умер 9 апреля 1945 года в Флоссенбурге».

Для многих и многих христиан Германии, Европы, Америки смерть Бонхоффера стала еще одним подтверждением слов Тертуллиана: «Кровь мучеников - семя церкви». Его жизнь и его смерть, его книги и письма - свидетельство о простой и твердой вере человека, который встретился с Иисусом Христом и не испугался последствий этой встречи, обрушившихся на него в миру. (Жизнь в миру он считал обязанностью, данной нам Иисусом Христом). Вся его жизнь - живое свидетельство для той церкви, которой Он служил.

Бонхоффер родился в Бреславе. В семье было семь детей. Вырос же он в Берлине, где его отец - известный врач - занимался психиатрией. Именно от отца, как пишет он в своем последнем письме из тюрьмы, он перенял тот настойчивый реализм, который окрашивает все его произведения и который заставил его обратиться от «словесных украшениям к реальности». Для него христианство не было философской системой, учением, далеко отстоящим от жизни, мистическим переживанием. Христианские убеждения всегда должны проявляться в ответственных действиях, послушании, следовании за Христом. В каждодневных ситуациях - как в личной жизни, так и в жизни общественной. Именно эти убеждения привели его сначала в тюрьму, а затем и на казнь. За шесть лет до того, как окатиться к гестаповских застенкам, Бонхоффер писал: «Когда Христос зовет человека, Он зовет его прийти и умереть».

Бонхоффер вырос в берлинском предместье - крепкий спортивный мальчик из дружной счастливой семьи. Он любил играть с соседскими ребятами, среди которых были дети известного ученого Адольфа фон Гарнака и историка Ганса Делбрука.

В шестнадцать лет Бонхоффер уже твердо знал, что хочет изучать богословие. Он провел год в Любингене. Получил диплом в 1924 году в Берлине. В Берлине прошли его студенческие годы: в университете ездил на машине с почтенным Гарна-

ком. Его учителями были великие берлинские ученые - Холл, Зиберт, Лейтцман, Люттерт. Уже к тому времени Бонхоффер стал сторонником нового «церковного богословия», хотя и не слышал еще лекций Карла Барта. Рассказывают, что когда он принимал участие в одном из берлинских семинаров Барта, то во время дискуссии процитировал Мартина Лютера: «Проклятие из уст безбожника бывает Богу приятнее «аллелуй», слетающей с уст набожного». «Кто это сказал?» - не без удовольствия спросил Барт. Так они с Бонхоффером и познакомились. Бонхоффер был молодым студентом, хорошо понимал прямолинейный реализм Лютера. Позднее он даст объяснение другому малопонятному высказыванию Лютера: «Смело греши, смело радуйся и веруй во Христа».

В двадцать один год он написал докторскую - догматическое исследование о единстве святых. Его более поздняя диссертация - «Действие и бытие». В ней он четко определил свою позицию и показал значение диалектической теологии. В 1928 году он уже был викарием в Барселоне. В 1929 году вернулся в Берлин. Его взяли преподавателем на богословский факультет и отправили на годичную стажировку в Объединенную богословскую семинарию в Нью-Йорк. О ней он отзывался как об «известной цитадели американского критицизма»,.. месте, где можно вести свободную дискуссию. Это стало возможно благодаря гражданскому мужеству, столь свойственному американцам и полностью неформальными отношениями в семинарии». Именно там он познакомился с обоими Нейбурами. Бонхоффер был очарован негритянскими спиритизмами, борьбой чернокожих за свои права. В более поздние годы, когда «стены вознеслись вокруг Германии», он и своих студентов познакомил с негритянской музыкой. Ближайший друг Бонхоффера, Эберхард Бегге, который теперь является студенческим пастырем в Берлине и редактором посмертных изданий работ Бонхоффера, пишет: «Мы начали напевать «Низко леги, колесница» еще за

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

двадцать лет до того, как эта песня зазвучала из радиопрепродукторов и в концертных залах».

Вернувшись в Берлин, он начал читать лекции по систематическому богословию. Вокруг него тут же собралась группа студентов. Его первая книга «Сотворение мира и грехопадение» возникла из цикла лекций, прочитанных по первым главам Библии. Кроме того, он служил студенческим пастором в технической школе в Шарлоттенбурге. Народ просто валом валил на его службы.

И вот наступил судьбоносный 1933 год. В феврале Бонхоффер прочитал лекцию, которую передали по Берлинскому радио. В ней он обвинял немцев в том, что те устремились за сильным «лидером», который неизбежно «заведет их в тупик», ибо не откажется стать идолом для ведомых. Передачу прервали. Когда стало очевидно, что «идол» - Адольф Гитлер - победил, Бонхоффер принял предложение стать пастырем в двух немецких конгрегациях Лондона, ибо он был против «германо-христианского» компромисса с нацистским правительством. В Англии он очень подружился с епископом Беллом из Чичестера и стал одним из главных глашатаев, рассказывавших миру о событиях в немецких церквях.

При помощи Эндрюса, Бонхофферу удалось договориться о встрече с Ганди в Индии. Готовясь к встрече, на которой он собирался поговорить о вопросах пацифизма, он получил весть от точки из Церкви верных, которая просила его возглавить «негальную», «тайную семинарию» по подготовке молодых пасторов в Померании. Бонхоффер тут же вернулся назад. В 1935 году приехал в Цингст, а оттуда в Финкенвальд, что недалеко от Сеттина. Там он и стал жить вместе с двадцатью пятью викариями в скорую руку построенных домишках. Это была та самая «жизнь вместе», жизнь христианской общины, о которой он писал в книге *Gemeinsames Leben* (1938), которая и представлена на ваш суд. В тот же самый период он написал *Nachfolge*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

опубликованную в англии и США под названием «Цена ученичества». В этих двух работах Бонхоффер раскрывает одну из главных своих идей: что такое жить со Христом. Вскоре после того, как он опубликовал еще одну свою небольшую книжку *Das Gebetbuch der Bibel* (Библейские молитвы: введение к книге Псалмов), в которой провозглашены идеи, описанные в первых двух главах нашей книги, ему запретили писать и публиковать свои труды, а «подпольная» семинария была закрыта.

Но к тому времени Бонхоффер уже принимал активнейшее участие в политической жизни своей многоотрададной страны, попавшей под пяту диктатора. От Ганса фон Дохнаны, мужа его сестры Кристель, он узнал кое-что о кризисе в руководстве рейха и секретных планах генерала Бека свергнуть Гитлера. И вот, человек, столь симпатизировавший идеалам пацифизма, прикинул, сколько же «стоит ученичество» и в глубине души решил, что стоять в стороне от людей, составляющих костяк политического и военного сопротивления режиму, будет трусовостью и бегством от реальности. Его друг Бетле говорит: «Он не считал, что все должны поступать именно так, как поступает он. Но он не видел путей к отступлению. Нельзя было отступить и при этом остаться безгрешным, праведным и набожным христианином. Трех респектабельной части человечества состоит в бегстве от ответственности. Он чувствовал, что вот-вот впадет в это грех, а потому не мог больше ждать». Но и тогда он поступал в соответствии со своими представлениями об этике. Он считал, что христианин обязан быть гражданином и этого мира, ибо именно в этот мир послал его Бог. В 1939 году Бонхоффер короткое время провел в США. Друзья убеждали его остаться и использовать свое дарование ученого и учителя на службе у екуменической церкви. Но он отказался, сел на один из последних кораблей, повезший его на встречу судьбе.

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

С тех самых пор вся его жизнь была подчинена выполнению заданий, порученных ему Церковью верных и движением сопротивления. Все это время, до самой своей смерти, он в свободное время работал над книгой «Этика», которую считал богословским трудом всей своей жизни. Он разъезжал по стране, выступал перед тайными собраниями верующих. Ему запретили учить, писать, жить в Берлине, но он был курьером между отдельными группами. За это время он написал целые главы своей «Этики»: писал в Бенедиктинском аббатстве в Этгале и в других временных убежищах.

Но вот однажды в апреле 1943 года все это кончилось. Пятого апреля Бонгоффер, его сестра Кристель и ее муж Ганс фон Дохананьи были арестованы и помещены в военную тюрьму Тетель, где Бонгоффер оставался до 8 октября 1944 года. Во время заключения надзиратели дружелюбно относились к крепкому пастору, тайно отводили его в камеры к отчаявшимся узникам, чтобы Бонгоффер мог послужить им. Они хранили его бумаги, записки, стихи, даже наладили сообщение с членами его семьи и друзьями, оставшимися на свободе.

После провала военного путча 10 июля, Бонгоффера стали переводить из одной тюрьмы в другую: он побывал в гестаповских застенках в Берлине, Бухенвальде, Шонберге и, наконец, Флоссенбурге. Все контакты с миром прервались. Последние недели своей жизни он провел в обществе русских, англичан, французов, итальянцев и немцев. Один из тех, кто был с ним в лагере - английский офицер - вспоминает:

«Мне всегда казалось, что вокруг Бонгоффера разливается счастье и радость, рожденные благодарностью Богу за то, что он просто-напросто жив... Он был один из немногих встретившихся мне людей, для которых Бог был реальностью, всегда был рядом... В воскресенье 8 апреля 1945 года пастор Бонгоффер провел небольшое богослужение. Он так говорил с нами, что слова его достигали глубины сердца. Он умел найти нуж-

10

ПРЕДИСЛОВИЕ

ные слова, чтобы рассказать о нашей жизни в заключении, о том, какие мысли и какие решения рождаются у нас в застенках. Он едва успел дочитать последнюю молитву, как вошли двое в штатском. Они сказали: «Бонгоффер, пошли с нами». Для заключенных эти слова имели лишь один смысл - смерть. Мы попрощались с ним. Он отвел меня в сторону: «Это конец, но для меня это начало жизни». На следующий день его повесили в Флоссенбурге».

В последний день своей жизни он говорил проповедь на слова из Исаии «ранами Его мы исцелились».

Такова была жизнь и смерть Дитриха Бонгоффера. Его можно назвать учителем церкви в высочайшем смысле этого слова. Он - писатель, написавший глубокие богословские труды, которые несмотря ни на что, были близки к жизни и проникнуты жизнью. Он - свидетель, который видел, как следовать за Христом и шел за Ним до конца. Для нас великая честь донести его книгу до читателя, который не может прочесть ее в неметком оригинале.

Глава I

Сообщество

«Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс. 132:1).

В этой книге мы рассмотрим указания и правила совместной жизни, которые Священное Писание предоставляет нам для жизни под Словом Божиим.

Для христианина жить среди верующих не является само собой разумеющимся обстоятельством. Иисус Христос жил среди Своих врагов; Его покинули все ученики. На кресте Он был совершенно один, осыпаясь насмешками злодеев. Он пошел на это, чтобы принести мир врагам Бога. Так и жизнь христианина должна протекать не в уединении монастырской жиз-

ни, а среди врагов. Быть среди них — это поручение ему, это — его работа. «Господство должно быть посреди твоих врагов. И кто не хочет этого терпеть, тот не хочет пребывать и под владичеством Христовым, а хочет быть окруженным друзьями, сидеть среди роз и лилий, рядом не с плохими, но с благочестивыми людьми. О, богохульники и предатели Христовы! Если бы Христос поступал так, как поступаете вы, кто бы тогда мог спасти?» (Лютер).

«И расселю их между народами, и в отдаленных странах они будут вспоминать обо Мне...» (Зах. 10:9). Народом в рассеянии христиане являются по воле Божьей, они рассеяны как семя «по всем царствам земли» (Втор. 28:25). Это его проклятие и его обетование. В дальних землях среди неверующих должен жить народ Божий, но он станет семенем Царства Божьего во всем мире.

«Я дам им знак и соберу их, потому что Я искупил их... и возвратятся» (Зах. 10:8-9). Когда это будет? Это произошло в Иисусе Христе, Который умер, «чтобы и рассеянных чад Божьих собрать во едино» (Ин. 11:52), и это станет видимым в конце времен, когда ангелы Божьи будут собирать со всех четырех сторон света избранных: от одного края небес до другого (Мф. 24:31). А до того времени народу Божьему предстоит жить в рассеянии, держась вместе лишь Иисусом Христом и помня о Нем в отдаленных странах.

В наше время — в эпоху между смертью Христовой и днем Его прихода — милостивым предвосхищением последних вещей является то, что христиане уже могут жить в видимом сообществе с другими христианами. Милостью Божьей является то, что община уже в этом мире может открыто собираться под Словом Божьим и Святыми таинствами. Однако не всем христианам дана такая милость. Узники, больные, миссионеры в языческой стране — все они пребывают в одиночку. Они-то знают, что работа в общине — это большая милость. Они мо-

лятся вместе с псаломцевцем: «...потому что я ходил в многолюдстве, вступал с ними в дом Божий со гласом радости и славою празднующего сонма» (Пс. 41:5). Но, оставшись одни по воле Божьей в отдаленной стране, они с тем большей страстью воспринимали в вере то, что для них недоступно, приобретая практический опыт. Так, ссыльный ученик Господа Иоанн Богослов в одиночестве на острове Патмос празднует «в духе день воскресный» (Отк. 1:10) — небесное богослужение со своими общинами. Он видит семь светильников — семь его общин, семь звезд — ангелов общин, а в середине и надо всем — Сын Человеческий Иисус Христос, в великой славе Воскресшего. Это все — небесное единение, в котором ссыльный принимает участие в день воскресения Господа своего.

Телесное присутствие других христиан является для верующего источником ни с чем не сравнимой радости и твердости духа. В последние дни своей жизни заключенный в тюрьму апостол Павел призывает своего «сына в вере» Тимофея; он хочет увидеться с ним, хочет, чтобы тот был рядом. Павел не застал слезы Тимофея, пролитые при последнем прощании (см. 2 Тим. 1:4). Думая об общине в Фессалониках, молится Павел «ночь и день... всеусердно о том, чтобы видеть лице ваше» (1 Фес. 3:10), а престарелый Иоанн знает, что радость его будет полна лишь тогда, когда он сможет прийти к ним и поговорить с ними лично, а не через письма (см. 2 Ин. 12).

И не следует осуждать верующего, когда он, сам еще полностью живя во плоти, ищет телесного образа других христиан. Человек создан как тело, в теле на земле явился Сын Божий ради нас, в теле Он был воскресен, в теле принимает верующий Господа Иисуса как таинство, и с воскресением мертвых возникнет совершенная община духовно-телесных творений Божьих. Поэтому превыше телесного присутствия брата восхваляет верующий Создателя, Примирителя и Спасителя, Бога Отца, Сына и Святого Духа. Узник, больной, христианин среди

язычников распознает в близости брата-христианина — телесный знак милости присутствия триединого Бога. На чужбине христиане распознают друг по другу Христа, присутствующего во плоти, они принимают и встречают друг друга, как примиали бы Господа: с благоговением, в смиренности и радости. Благословение друг друга они принимают как благословение Господа Иисуса Христа. И если столько блаженства содержится уже в одной единственной встрече брата с братом, то какое же неисчерпаемое богатство должно открыться для тех, кто по воле Божьей возвышен был жить в каждодневном жизненном сообществе с другими христианами!

Конечно, то, что для одинокого является несказанной милостью Божьей, может мало значить для того, кто получает этот дар ежедневно. Легко забыть, что сообщество христианских братьев является подарком милости из Царства Божьего и что его можно отнять у нас, что весьма кратким может быть время, отдающее нас от глубочайшего одиночества. Поэтому тот, кому до настоящего времени дано пребывать в совместной христианской жизни с другими христианами, хвалит Бога от всей души, благодарит Его на коленях и распознает: это милость, ничто иное, как милость Божья.

Различна мера, в соответствии с которой Господь наделяет верующих даром видимой общины. Христианина в рассеянии утешает краткое посещение брата по вере, совместная молитва и совместное благословение, его укрепляет даже одно письмо христианина. Приветы апостола Павла, написанные им собственноручно в посланиях, были знаком такого сообщества. Другим же даровано сообщество в богослужениях по воскресеньям. А третьим предназначено жить своей христианской жизнью в сообществе своей семьи. Юные теологи перед своим рукоположением какое-то время живут вместе со своими братьями. В настоящее время серьезные христиане во время перерывов на работе собираются с другими христианами для совмест-

ной жизни под Словом Божиим, которая воспринимается ими как милость, представляющая собой «розы и лилии» христианской жизни (Лютер).

Через Иисуса Христа и в Иисусе Христе

Христианское сообщество означает единение через Иисуса Христа и в Иисусе Христе. Нет иного коллектива, который значил бы больше либо меньше, чем это. От кратких отдельных встреч и до многолетнего ежедневного общения мы принадлежим друг другу исключительно через Иисуса Христа и в Иисусе Христе.

Это означает: 1) один христианин нуждается в другом христианине ради Иисуса Христа; 2) один христианин приходит к другому только через Иисуса Христа; 3) мы избраны Иисусом Христом от вечности, приняты во временности и объединены для вечности.

Во-первых, христианин является человеком, который лишь в Иисусе Христе ищет своего спасения, своего избавления, своей праведности. Он знает, что по Слову Божьему в Иисусе Христе он считается виновным, даже если не чувствует никакой своей вины; и что Слово Божье в Иисусе Христе объявляет его невиновным и свободным, даже если он совершенно не ощущает собственной праведности. Христианин не живет более сам по себе, по своему собственному обвинению или по своему собственному оправданию. Он живет по Божьему оправданию или обвинению, совершенно по воле Божьей над ним, из подчинения в вере Божьему приговору — все равно, значит ли этот приговор для него обвинение или оправдание.

Смерть и жизнь христианина не заключены в нем самом, они заключены для него в Слове, которое обращается к нему иначе — в Слове Божьем к нему. Реформаторы выразили это так: «Наша праведность — это «чужая праведность», праведность из-

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

вне (extra nos). Тем самым они говорят, что христианин зависит от Слова Божьего, которое звучит для него. Христианин живет только истиной Слова Божьего в Иисусе Христе. Если его спрашивают: «Где твое спасение, твое блаженство, твоя праведность?», он никогда не сможет указать на себя самого: он укажет на Слово Божье в Иисусе Христе, в котором для него спасение, блаженство, праведность. Он ищет этого Слова везде, где только может. Поскольку он ежедневно испытывает голод и жажду по справедливости, он снова и снова ищет спасительное Слово. Оно же может прийти только извне. Сам по себе христианин ниц и мертв, и помощь к нему приходит извне в Слове Иисуса Христа, которое приносит нам спасение, праведность, невиновность и блаженство.

Но это Слово Бог вложил в уста людей, чтобы оно и дальше прозвучало среди других людей. Где оно дошло до одного, там он скажет его другому. Бог пожелал, чтобы мы искали живого Слова и находили его в свидетельстве брата, в человеческих устах. Поэтому один христианин нуждается в другом христианине, который произносит ему Слово Божье, он нуждается в нем снова и снова, когда пребывает в неуверенности и унынии; ведь он не способен помочь сам себе, не обманув себя в отношении истины. Ему нужен брат как носитель и глашатай божественного спасительного Слова. Ему нужен брат ради одного только Иисуса Христа. Христос в собственном сердце слабее Христа в слове брата.

Поэтому цель всякого сообщества христиан ясна: они встречаются как носители послания спасения. Бог собирает их вместе, дарует им единение. Только через Иисуса Христа и «чужую праведность» их сообщество является обоснованным. Так что мы можем сказать: сообщество христиан порождено одним лишь библейским и реформаторским посланием об оправдании человека на основе милости, и на этом основывается стремление христиан друг к другу.

СООБЩЕСТВО

Во-вторых, один христианин приходит к другому только через Иисуса Христа. Среди людей часто происходят ссоры. «Ибо Он есть мир наш» (Еф. 2:14), — говорит апостол Павел об Иисусе Христе, в Котором древнее разорванное человечество стало единым. Без Христа нет мира ни между Богом и людьми, ни между двумя людьми. Христос стал посредником и восстановил мир между Богом и людьми. Без Христа мы не знаем Бога, не можем Его призвать, не можем к Нему прийти. Без Христа, однако, мы не знали бы и брата, не смогли бы прийти к нему. Путь переторожен собственным «я». Христос освободил путь к Богу и брату. И теперь христиане могут жить в мире друг с другом, могут любить друг друга, могут служить друг другу, могут стать едиными. Но отныне они могут сделать это только через Иисуса Христа. Только в Нем мы едины, только через Него мы можем быть связаны друг с другом. И в вечности Иисус Христос остается единственным посредником.

В-третьих, приняв образ во плоти, Сын Божий только из милости живо и истинно принял нашу сущность, нашу природу, нас самих. Таким было решение триединого Бога. И вот мы в Нем. Где бы Он ни был — Он несет нашу плоть, несет нас самих. Где Он, там и мы: под крестом и в Его воскресении. Мы — Его собственность, поскольку мы — в Нем. Поэтому Писание и называет нас «Телом Христовым». Если же мы, прежде чем могли это узнать и захотеть, были избраны и приняты всей общиной в Иисусе Христе, то и в вечности *все вместе* являемся Его собственностью. Мы, живущие здесь в общине Его, однажды будем в вечном единении у Него. Смотрящий на брата своего должен знать, что будет навечно объединен с ним в Иисусе Христе. Христианское сообщество означает единение через Иисуса Христа и в Иисусе Христе. На этой предпосылке базируются все содержащиеся в Писании указания и правила совместной жизни христиан.

«О братолюбии же нет нужды писать к вам, ибо вы сами научены Богом любить друг друга... Умоляем же вас, братия, более преуспевать» (1 Фес. 4:9-10). Обучение братской любви Бог Сам взял в Свои руки; все, что люди здесь могут еще добавить, — это лишь напоминание о божественных наставлениях и предупреждение еще лучше их исполнять. Когда Бог умилил нас, — по отношению к нам, когда Он открыл нам Иисуса Христа как брата, когда Он завоевал наше сердце Своей любовью, тогда же началось и обучение братской любви. Бог был милостив к нам — и мы одновременно учились милосердию к нашим братьям. Принимая прощение вместо осуждения, мы становились готовы к братскому прощению. Что бы Бог ни совершал с нами, то же должны были и мы совершать с братом нашим. Чем больше мы получали, тем больше могли мы дать, но чем беднее была наша любовь к брату, тем меньше жили мы, очевидно, Божьим милосердием и любовью. Бог учил нас относиться к друг другу, как Он Сам отнесся к нам во Христе. «Посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию» (Рим. 15:7).

И вот христианин, кому милосердный Господь предоставил совместную жизнь с другими христианами, учится тому, что называется «быть с братом». «Братьями в Господе» называет Павел свою общину (см. Флп. 1:14). Я брат другому тем, что Иисус Христос сделал для меня и на мне; другой стал моим братом тем, что Иисус Христос сделал для него и на нем. То, что мы братья только через Иисуса Христа, является фактом чрезвычайного значения. Мой брат тот, кто спасен Христом, оправдан Им от своих грехов и призван к вере и вечной жизни. То, что человек является христианином, не может обосновать нашего единения; для нашего братства определяющим является то, что этот человек явлен от Христа. Наше сообщество состоит лишь из того, что Христос сделал для нас обоих, и это действительно не только в начале, но и в течение долгого времени: так будет и в будущем, и во веки веков. В единении с другим христианином

я нахожусь лишь через Иисуса Христа. Чем истиннее и глубже становится наше единение, тем яснее и чище между нами будет становиться один Иисус Христос и тем живее дело Его. Повторю еще раз: мы даны друг другу только через Иисуса Христа, и через Иисуса Христа мы даны друг другу действительно, причем на веки веков.

Это с самого начала позволяет распрощаться с темным стремлением к чему-то «еще большему». Кто хочет иметь больше того, что Христос установил между нами, тот желает не христианского братства, а каких-то из ряда вон выходящих совместных событий, которых он недополучил где-то в другом месте. Такой человек привносит в христианское братство неясные и нечистые желания. Именно в этом пункте на основе смешивания естественного влечения набожного сердца к сообществу с духовной реальностью христианского братства с самого начала этому братству грозит огромная опасность, тяжкое внутреннее отравление. Для христианского братства все важное заключено в том, чтобы с самого начала стало ясно, что, *во-первых, христианское братство — не идеал, оно является божественной реальностью; и, во-вторых, христианское братство является духовной, а не физической реальностью.*

Не идеал, но данная свыше реальность

Бесчисленное количество христианских сообществ развалилось лишь потому, что жило по своим желаниям. Именно серьезный христианин, войдя в первый раз в христианское сообщество, зачастую может привнести свое видение совместной жизни христиан и стремиться его осуществить. Благодаря милости Божьей все мечтания такого рода быстро разрушаются. В результате этого мы начинаем испытывать разочарование в других людях, в христианстве вообще и даже в самих себе. Но,

учитывая все это, Бог ведет нас к распознаванию настоящего христианского сообщества.

Только по милости Своей Он не допускает, чтобы мы, пусть даже несколько недель, жили выдуманной мечтой и вались окрывающим чувствам высокого предназначения, которые, подобно опьянению, обрушились бы на нас. Ведь Бог есть Бог истины, а не бог возбуждения чувств. Лишь сообщество, познавшее великое разочарование со всеми его безрадостными и скверными явлениями, начинает становиться тем, чем оно должно быть перед Богом, начинает постигать в вере данное ему обетование. Чем раньше наступит час этого разочарования для каждого лично и для всего сообщества, тем лучше будет для всех. Сообщество же, которое не смогло вынести и пережить этого разочарования, которое упорно придерживается выдуманного образа, в тот же самый час обетования утрачивает стойкость и рано или поздно распадается. Каждый человеческий выдуманный образ, привнесенный в христианское сообщество, препятствует истинному единению и должен быть уничтожен, чтобы истинное сообщество могло жить. Тот, кто любит свою мечту больше, чем само христианское единение, станет разрушителем любого христианского сообщества, даже если он лично будет относиться к делу честно, серьезно и с полной отдачей.

Бог ненавидит пустые мечтания, ибо они делают человека гордым. Если человек идет на поводу своих представлений о сообществе, он начинает требовать от Бога, от другого человека и от себя самого исполнения этого мечтания, в сообществе христиан провозглашает свой собственный закон и на основе его судит братьев и Самого Бога. Он жесток и считает себя вправе судить остальных братьев. Он поступает так, как если бы лишь он мог создать христианское сообщество, как если бы ему предстало объединить людей. То, что происходит не по его воле, он называет ошибкой, там, где его представление разрушается, он видит разрушение и сообщества. Так он становится обвините-

лем своих братьев, потом обвинителем Бога и, наконец, отчаявшимся обвинителем самого себя.

Поскольку Бог уже положил единственно возможное основание нашего сообщества, поскольку прежде, чем мы пришли к совместной жизни с другими христианами, объединил нас с ними в одно тело в Иисусе Христе, мы вступаем в совместную жизнь с другими христианами, благодаря Бога и принося Ему хвалу. Мы признаем, что Бог за то, что Он из нас сделал, за то, что Он дарует нам братьев, которые живут под Его призывом, под Его прощением, под Его обетованием. Мы не жалеемся по поводу того, чего Бог нам не дает, но славим Его за то, что Он нам ежедневно дарует. А разве недостаточно того, что дано нам, а именно братьев, которые под благословением Его милости будут жить с нами и во времена греха и нужды? Разве любой дар Божий меньше, чем этот, непостижимо великий? Разве грех и недоразумения, осложняющие совместную жизнь христиан, не являются снова и снова поводом для благодарности за то, что нам дано жить под прощающей любовью Божьей в Иисусе Христе? Разве не будет час моего великого разочарования в своем брате несравненным часом излечения, поскольку он служит для меня основательным наставлением в том, что мы оба можем жить ни в коем случае не собственными словами и делами, но лишь на основе одного слова и одного дела, которые нас объединяют, а именно: на основе прощения грехов в Иисусе Христе? Там, где рассеивается утренний туман порожденных мечтанием образов, наступает светлый день христианского сообщества.

В христианском сообществе отношение к благодарности такое же, как и вообще в христианской жизни. Благодарящий за малое принимает и большое. Не благодаря за повседневную милость, мы мешаем Богу одарить нас великими духовными дарами, которые у Него приготовлены для нас. Мы считаем, что нам недостаточно малой меры подаренных нам познания, опы-

та, любви, и всегда жадно стремимся к дарам еще большим. А потом жалуемся, что нам не хватает большей уверенности, сильной веры, богатого опыта, которыми Бог, мол, одарил других христиан, да еще считаем эти жалобы проявлением набожности. Мы молимся о больших вещах и забываем благодарить за повседневные, малые (которые в действительности вовсе не малы). Но как сможет Бог доверить большое тому, кто без благодарности стремится взять из Его реки малое? Благодарим ли мы ежедневно за христианское сообщество, в которое мы вошли, в том числе и там, где нет большого опыта, нет осязаемого богатства, а есть много слабостей, маловерия, трудностей? А ведь если мы только жалуемся Богу на бедность, на то, что не все соответствует нашим ожиданиям, — мы мешаем Ему поддерживать рост нашего сообщества в соответствии с мерой и богатством, которые уже положены для нас всех в Иисусе Христе.

Это особенно касается так часто звучащих жалоб пасторов и рьяных прихожан на свои общины. Пастор не должен жаловаться на свою общину, даже перед Богом не должен жаловаться о людях; не для того ему доверена община, чтобы он становился ее обвинителем перед Богом и людьми. Тому, кто начался на христианское сообщество, в которое он поставлен, и начинает это сообщество обвинять, нужно проверить себя самого: не идет ли здесь речь лишь о его мечтаниях, которые Бог в данном случае разрушает. Если это действительно так, пусть он благодарит Бога за то, что Тот послал ему это испытание. А если этот человек решит иначе, то пусть поостережется когда-либо становиться обвинителем общины Божьей; пусть лучше обвиняет сам себя в своем неверии и молит Бога о прощении собственной ошибки и собственного особенного греха: пусть молится и о том, чтобы не стать ему должником в отношении своих братьев; пусть станет ходатаем за своих братьев и сделает то, что ему поручено, и благодарит Бога.

С христианским сообществом дело обстоит так же, как и с освящением христиан. Оно является даром Божиим, и мы не можем предъявить к нему претензий. А как в действительности обстоит дело с нашим сообществом, с нашим освящением — об этом знает лишь Бог. Кажущееся нам слабым и незначительным перед Богом может быть великим и величественным. Как не дано христианину постоянно чувствовать пульс своей духовной жизни, так и христианское сообщество подарено нам не для того, чтобы мы непрерывно «измеряли его температуру». Чем благодарнее мы принимаем ежедневно то, что нам дается, тем увереннее и равномернее община день за днем будет расти и увеличиваться по благоволению Бога.

Христианское братство не является идеалом, который нам было бы необходимо достичь. Оно существует в действительности, оно создано Богом во Христе, и нам дано участвовать в нем. Чем яснее научимся мы распознавать в Иисусе Христе основу, силу и обетование всего нашего единения, тем спокойнее научимся мы размышлять о нашем единении, молиться за него и надеяться на него.

Духовная, а не душевная действительность

Поскольку христианская община основывается на одном лишь Иисусе Христе, постольку она является «духовной», а не «психической» действительностью. И именно этим она отличается от всех других сообществ. «Духовным» называется Священное Писание то, что совершает один Святой Дух, Который дарует нашему сердцу Иисуса Христа как Господа и Спасителя. «Психическим» («душевным») называется Писание то, что порождается на основе природных позывов, сил и желаний человеческой души.

Основа любой «духовной» действительности — ясное откровенное Слово Божье в Иисусе Христе. Основой всякой «ду-

шевой» действительности являются темные позывы и стремления человеческой души. Основа духовного единения — истина, основа духовного единения — желание. Сущность духовного единения — свет: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (Ин. 1:5); «Если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом» (1:7). Сущность душевного общения — тьма: «Ибо изнутри», из сердца человеческого, исходят злые помыслы» (Мк. 7:21). Духовное сообщество — это сообщество призванных Христом, а душевное сообщество — сообщество набожных душ. В духовном сообществе живет светлая любовь братского служения — «агапэ», упорядоченное братское служение, смиренное подчинение брату; в душевном же тлеет темная любовь доброго, но одновременно и злого позыва — «эроса», хаотичное стремление к наслаждению, смиренно-высокомерное подчинение брата собственному желанию.

В духовном сообществе правит Слово Божье, в душевном же наряду со Словом правит и человек, обладающий особыми силами, опытом, суггестивно-магической предрасположенностью. Там связывает Слово Божье, а здесь привязывает, кроме того, еще и человек сам к себе. Там вся власть, почесть и господство представлены Святому Духу, а здесь ищут власти и сфер влияния личного характера, лелеют их. Конечно, когда речь идет о набожном человеке, считается, что все это делается с намерением служить «всевышнему и наилучшему». Но на самом деле все это происходит для того, чтобы уклониться от Святого Духа, отодвинув Его в недействительную даль. Действительным здесь остается только душевное. Так что там правит Дух, здесь — психотехника, метод; там — наивная любовь, помогающая брату; здесь — психологический анализ и конструкция; там — смиренное незамысловатое служение брату, а здесь — изучающее-расчетливое обхождение чужого человека.

Может быть, противоположность духовной действительности и душевной реальности будет видна при таком наблюдении

нии: внутри духовного сообщества никогда и ни в какой форме не бывает «непосредственного» отношения одного с другим, в то время как в душевном сообществе живет глубокое изначально-ное желание воссоединения, непосредственного соприкосновения с другими человеческими душами, подобно тому, как в плоти живет желание непосредственного соединения с другой плотью. Это желание человеческой души ищет полного слияния понятий «я» и «ты», идет ли речь о воссоединении в любви, или о том (что в сущности одно и то же), что случается при насилиии одного человека над другим в сфере собственной власти и влияния. Здесь более сильный духовно позволяет себе все и внушает слабому восхищение, любовь или страх. Человеческие привязанности, симпатии, послушание являются здесь всем, и в искаженной форме «непосредственного общения» снова даст себя знать то, что является первоосновой и свойством общины, порожденной Христом.

В душевном сообществе имеет место и «душевное» обращение. Во всех формах проявления оно встречается там, где один человек сознательно или неосознанно злоупотребляет своей властью над отдельной личностью или же целым сообществом. Здесь одна душа действует непосредственно на другую. Слабый поддается сильному, сопротивлению его разрушается под влиянием сильного. Он подвергнут насилию, а вовсе не убежден в данном деле. Это проявляется в тот момент, когда от него требуется по-настоящему взяться за дело и когда это будет происходить независимо от личности, к которой он привязан, или, может быть, даже вопреки ей. Душевно обращенный здесь слоткнется, и тем самым станет очевидно, что обращение было совершено не Святым Духом, а человеком, и потому было непрочным.

Точно так же обстоит дело с «душевной» любовью к ближнему. Она способна к неслыханным жертвам и зачастую внешне превосходит истинную любовь Христа. Но это именно

о ней апостол говорит: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение (это означает «если я свяжу наивысшие деяния любви с наивысшей отдачей себя делу»), а любви не имею (т.е. Христовой любви), — нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:3). Душевная любовь любит другого ради него самого, а духовная любовь любит его ради Христа. Потому душевная любовь ищет непосредственного соприкосновения с другим, она любит его не в его свободе, а привязывает его к себе; она стремится всеми средствами выигрывать, завоевывать, она терпит другого, стремится быть несоотразимой, господствовать над ним.

Душевная любовь не особо нуждается в истине, она объявляет истину относительной, поскольку ничему, в том числе и истине, не позволено становиться помехой между нею и возлюбленным человеком. Душевная любовь «желает» другого человека, его ощущения, его взаимной любви, но она ему не служит. А там, где ее служение видно другим, она, скорее всего, в самом деле «желает». В двух проявлениях, которые по сути одно и то же, обнаруживается разница между духовной и душевной любовью: душевная любовь ради истинного сообщества не способна перенести отмену сообщества, ставшего неистинным; она неспособна любить врага, причем именно такого, который серьезно и упрямо ей сопротивляется. Оба эти явления одного происхождения: душевная любовь по сути своей является желанием, причем желанием душевного единения. Она сама делает себя самоцелью, объектом, божеством, которому и поклоняется, которому и должна все подчинить. Она лелеет, рассчитывает, любит саму себя и больше никого в мире. И пока она еще как-то может это желание удовлетворить, она не будет от него отказываться даже ради истины, ради истинной любви к другому. Но там, где ей уже никак нельзя ожидать исполнения своего желания, там для нее и «начинается враг». И здесь она превращается в ненависть, презрение и клевету.

Но именно здесь и начинается любовь духовная. И поэтому душевная любовь становится ненавистью там, где она встречается с истинной духовной любовью, которая наполнена не желанием, а служением. Духовная любовь даруется Христом, она служит лишь Ему одному, она знает, что у нее нет непосредственного доступа к другим людям.

Христос стоит между нею и другими. Что означает «любовь к другому» — я знаю не с самого начала с точки зрения общего понятия «любовь», выросшего из моего душевного стремления. Что есть любовь — мне скажет Своим Словом лишь Сам Христос. Вопреки моим собственным мнениям и убеждениям, Иисус Христос скажет мне, как действительно выглядит любовь к брату. Поэтому духовная любовь привязана только к Слову Христову. Там, где Христос позволит мне ради любви поддерживать общение, там я и намерен его поддерживать; а где Его истина ради любви повелит мне отказаться от общения, там я от него и откажусь — вопреки всем протестам моей душевной любви. Поскольку духовная любовь движется не желанием, а служением, потому и любит она врага как брата. Она ведь рождается не братом или врагом, а Христом и Его Словом. Душевная любовь никогда не будет в состоянии понять любовь духовную, поскольку земной любви она остается чем-то чужеродным, новым и непостижимым.

Поскольку Христос стоит между мною и другим, я не позволяю себе стремиться к «непосредственному общению» с этим другим. И так как лишь один Христос мог говорить со мной так, чтобы это было мне помощью, так и другому может помочь только Сам Христос. Но это означает, что я должен освободить другого от всех своих попыток решать за него, пригнать его, господствовать над ним. В своей свободе от меня другой хочет быть любим таким, какой он есть: именно тем, ради кого Христос стал человеком, умер и воскрес, для кого

Христос заработал прощение грехов и подготовил вечную жизнь. Так как Христос уже давно воздействовал на моего брата, прежде чем я начал на него воздействовать, поэтому брат и должен быть освобожден для Христа; я же обязан принимать его только таким, какой он уже есть для Христа. В этом смысле заявления, что мы можем принимать другого только через посредство Иисуса. Душевная любовь создает свой образ другого, образ того, кто он есть, и того, кем он должен стать. Она берет жизнь другого в собственные руки. Душевная же любовь распознает истинный образ другого, данный Иисусом Христом, — это образ, на который Иисус Христос повлиял и намерен влиять.

Поэтому духовная любовь оправдывает себя тем, что она во всем, что говорит и делает в отношении другого, предоставляет это Христу. Она не будет пытаться достичь душевного соединения другого на основе сугубо личного влияния, беспардонно вторгаясь в его жизнь; она не станет наполняться радостью от набожного душевного разогрева и возбуждения, напротив, она встретит другого человека ясным Словом Божиим и надолго оставит его наедине с этим Словом, снова освобождает его, чтобы Христос смог воздействовать на него. Таким образом, она будет соблюдать границу, которая поставлена между нами Христом, и находить с каждым человеком полное общение во Христе, Который один нас связывает и соединяет. Таким образом, она будет больше говорить с Христом о брате, чем с братом о Христе. Она знает, что ближайший путь к другому человеку идет через молитву ко Христу и что любовь к другому совершенно связана с истиной во Христе. Вот что с любовью говорит Иоанн, ученик Христа: «Я весьма обрадовался... что дети мои ходят в истине» (3 Ин. 3, 4).

Душевная любовь живет неконтролируемыми и неподдающимися контролю *желаниями* — духовная любовь живет в ясности служения, предписанного *истинной*. Душевная любовь

влечет за собой человеческое порабощение, привязывание, суеверность — духовная любовь порождает *свободу* брата под влиянием слова. Душевная любовь растит искусственные ожерельные цветы — духовная любовь порождает *плоды* здоровья, произрастающие под открытым небом Божиим под дождем, бурей и солнцем по Его благоволению.

Вот главное условие существования для любой объединенной жизни христиан: совместно овладеть умением различать разницу между человеческим идеалом и божественной действительностью, между духовным и душевным общением.

Для христианской общины вопрос жизни и смерти заключается в том, чтобы как можно быстрее понять это. Другими словами: совместная жизнь под Словом только там останется здоровой, где она не будет возносить себя как движение, как орден, как организацию, как *объединение набожности*; где она понимает себя как часть целой, святой, всеобщей христианской церкви; где она деятельно и со страданием принимает участие в нуждах, борьбе и обетовании всей церкви.

Каждый принцип отбора и каждое связанное с ним отделение себя, которое по сути своей не определяется общей работой, местными условиями или семейными взаимосвязями, представляют величайшую опасность для христианской общины. На пути духовного отбора или отбора духовности всегда снова возникает душевное, что лишает сообщество силы его духовности и действительности для общины, уводит его в сектанство: исключение из христианского жизненного сообщества слабого, неприглядного и внешне бесполезного члена может означать исключение Христа, Который в этом бедном собрании стучится в дверь. Поэтому нам необходимо быть очень бдительными.

При невнимательном наблюдении можно было бы прийти к мнению, что смешение идеала и действительности, душевного и духовного происходит скорее всего там, где сообщество в своей структуре является многослойным, что означает, что

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

там — в браке, семье или дружбе — душевное вообще играет первостепенную роль, а духовное лишь присоединяется к плотско-душевному. В этих сообществах есть опасность подмены и смешивания обеих сфер, в то время как в сообществах чисто духовного характера такое вряд ли может встретиться. Однако, думая так, мы впадаем в большое заблуждение. С учетом суги и опыта мы видим, что дело обстоит как раз наоборот. Супружество, семья или дружба очень точно определяют границы сил, связывающих их вместе, хорошо знают, когда они здоровы; понимают, где заканчивается душевное и начинается духовное. Они знают о противоположности плотски-душевного общения духовному. И, наоборот, там, где образуется сообщество чисто духовного характера, неизмеримо больше опасность того, что в это сообщество будет привнесено и с ним смешано все душевное. Чисто духовное жизненное сообщество не только опасно, но и весьма ненормально как явление. Там, где существует телесно-семейное единение или сообщество серьезной работы, где повседневная жизнь со всеми ее требованиями к работающему человеку *не* вторгается в духовное общение, там необходима особенная бдительность и понимание. Поэтому, как показывает опыт, именно во время краткого досуга легче всего распротраняются душевные идеи. Нет ничего легче, чем пробудить взволнованное общение в немногие дни совместной жизни, и нет ничего более фатального, чем ежедневное братское общение.

Наверняка нет христианина, которому Бог не подарил бы однажды в жизни воодушевляющего *опыта* настоящего христианского единения. Но такой опыт остается в этом мире ничем иным, как милостивым даром. У нас нет права на него, и мы живем с другими христианами не ради него. Не опыт христианского братства, а крепкая и непоколебимая вера в христианское братство держит нас вместе. То, что Бог поддерживает нас и намерен делать это и дальше, мы понимаем в вере как величайший дар Божий. Это наполняет нас радостью и блажен-

СООБЩЕСТВО

ством, дает нам готовность отказаться от всего опыта, если Богу не будет угодно открыть нам этого в надлежащее время. Мы связаны в вере, а не в опыте.

«Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» — восклицает Священное Писание совместную жизнь под Словом Божиим. В правильном толковании слово «вместе» должно подразумевать: «когда братья через Христа живут вместе», ибо один лишь Иисус Христос есть единение для нас. «Он мир наш». Только через Него мы имеем доступ друг к другу, радость друг от друга, общение друг с другом.

Глава 2

Совместный день

Тебе песнь утренней хвалы,
К Тебе вечерняя молитва,
Дай в славу нам Твоею войти,
И дай с Тобой навеки слиться.

Св. Амброзий

Начало дня

«Слово Христово да всеяется в вас обильно» (Кол. 3:16).
Ветхозаветный день начинается и заканчивается с заходом

ЖИТЬ В МЕСТЕ

солнца — это время ожидания. День новозаветной общины начинается ранним часом восхода солнца и заканчивается рассветом нового утра — это время исполнения, Воскресения Господня. Ночью Христос был рожден, «Свет во тьме», обеденное время превратилось в ночь, когда Христос страдал и умер на кресте, но в раннее пасхальное утро Христос восстал из могилы как Победитель.

«Ранним утром, когда восходит солнце,
Спаситель мой Христос воскрес,
изгнал Он ночь греха;
свет, свет принес и спас.
Аллилуйя!»

Так пела община Реформации. Христос есть «Солнце правды» (Мал. 4:2), которое вошло для ожидающей общины, «Любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей!» (Суд. 5:31). Раннее утро принадлежит общине воскресшего Христа. При начале рассвета община поминает утро, в которое были поражены смерть, Сатана и грех, а людям были дарованы новая жизнь и спасение.

Что еще мы знаем о великой радости отцов и древнего христианства при утреннем возвращении света? Бог Отец и Создатель сохранил нашу жизнь в темной ночи и пробудил нас для нового дня; Бог Сын и Спаситель преодолел ради нас могилу и преисподнюю и пребывает среди нас Победителем; Бог Святой Дух ранним утром вложил в наши сердца Слово Божье как светлый солнечный луч, прогоняющий всякую тьму и обучающий нас истинной молитве. Если мы хотим снова чему-то научиться от восхваления, предназначенного ранним утром триединому Богу, тогда мы сможем представить себе эту радость, когда после прошедшей ночи братья, живущие в единстве, снова соберутся для совместного восхваления Бога своего,

СОВМЕСТНЫЙ ДЕНЬ

совместного слушания Слова и совместной молитвы. Утро принадлежит не каждому в отдельности, а общине триединого Бога, христианскому домашнему сообществу, братству. Существует множество древних песен, которые община возносит ранним утром для совместной хвалы Богу. Так, «Богемские братья» поют на рассвете:

«День изгонит темную ночь.
Христиане, проснитесь и бдите,
хвалите Господа Бога.
Помни, что тебя Господь создал по Своему образу,
чтобы ты Его познал.

День начинается и являет себя,
Господь наш и Бог, хвала Тебе,
благодарим Тебя, о благодетель,
за то, что нас в ночи Ты сохранил.

Молим Тебя, храни нас впредь,
храни нас, бедных странников,
так будь же с нами,
помоги и сохрани от всякого зла.

Восходит свет дневной, о братья,
возблагодарим милосердие Бога,
Который нас всех в ночи
Своею милостью сохранил.

Прими же нас как дар, о Боже, наш Господь,
чтоб наше слово, дело и желание
вел Ты, как хочешь Сам,
тогда добром будет наше дело».

Совместная жизнь под Словом начинается совместным богослужением ранним утром. Домашнее сообщество собирается для хвалы и благодарения, чтения Писания и молитвы. Глубокая утренняя тишина нарушается только молитвою и песнем общины. Тем благодарнее звучат песня и Слово Божье после молчания ночи и раннего утра. Священное Писание говорит по этому поводу, что поутру первая мысль и первое слово должны предназначаться Богу: «Господи! рано услышь голос мой, — рано предстану пред Тобою» (Пс. 5:4), «И рано утром молитва моя предваряет Тебя» (Пс. 87:14), «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: буду петь и славить. Воспрянь, слава моя, воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано» (Пс. 56:8-9). С наступлением утра жаждет верующий Бога и ищет Его: «Предваряю рассвет, и взываю; на слово Твое уповаю» (Пс. 118:147). «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс. 62:2). Премудрость Соломонова указывает на то, «дабы известно было, что должно предупредить солнце благодарением Тебе и обращаться к Тебе на восток света» (Прем. 16:28), а Иисус, сын Сирахов, говорит о книжнике так: «Сердце свое он направит к тому, чтобы с раннего утра обращаться к Господу, сотворившему его, и будет молиться пред Всевышним» (Сир. 39:6). Священное Писание говорит об утреннем часе как о времени особенной помощи Божьей. Граду Божьему обещано: «Бог поможет ему с раннего утра» (Пс. 45:6) и снова: «...милосердие Его... обновляется каждое утро» (Плач. 3:23).

Для христианина начало дня не должно быть загружено и заморочено суетой буднего дня. Над новым днем стоит Господь, создавший его. Вся тьма и пуганица ночи с ее снами отступает перед ясным светом Иисуса Христа и Его пробуждающего Слова. От него бежит все беспокойство, вся нечистота, все заботы и страхи. Поэту пусть исчезнут на рассвете дня всяче-

ские мысли и умолкнут массы бесполезных слов, пусть первое слово и первая мысль будут направлены Тому, Кому принадлежит вся наша жизнь. «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5:14).

Часто Священное Писание напоминает о том, что мужи Божии вставали рано, чтобы искать Бога и выполнять Его повеление. Так делали Авраам, Иаков, Моисей, Иисус Навин (см. Быт. 19:27; 22:3; Исх. 8:16; 9:13; 24:4; Исх.Н. 3:1; 6:12 и т.д.). О Самом Иисусе Евангелие сообщает без лишних слов: «А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился» (Мк. 1:35). Иногда человек встает рано и из-за беспокойства и забот. Писание называет это бесполезным: «Напрасно вы рано встаете... ядите хлеб печали» (Пс. 126:2). Мужья Священного Писания вставали рано из любви к Богу.

В совместное утреннее богослужение входит чтение Писания, песня и молитва. Насколько многообразны сообщения, настолько по-разному проводятся и утренние богослужения. Так и должно быть. Домашней общине с детьми необходимо иное богослужение, нежели сообществу богословов, и неправильно пытаться уподобить одно другому. Но в каждое совместное богослужение входит слово Писания, церковная песня и молитва общины. Ниже поговорим об отдельных частях совместного богослужения.

Секрет Псалтиря

«Назидая самих себя псалмами» (Еф. 5:19); «Научайте и вразумляйте друг друга псалмами» (Кол. 3:16). Истари церковью придается особое значение совместному молению псалмами. Во многих церквях до настоящего времени это практикуется в начале каждого совместного богослужения. Мы это по большому счету утратили и должны сначала найти обратный путь к молитве-псалму. Псалтирь занимает уникальное место во всем

Священном Писании. Он является Словом Божиим и — не считая немногих исключений — молитвой человека. Как это понимать? Как может Слово Божье быть одновременно и молитвой к Богу?

Каждый, кто начинает молиться псалмами, поначалу пытаясь произносить их в личной форме, как собственную молитву. Но вскоре наталкивается на места, которые он от себя выговорить не может. Таковы, скажем, псалмы о невинности, о мести и частично псалмы страдания. И, тем не менее, эти молитвы являются словами Священного Писания, которые верующий христианин не может отодвинуть в сторону, говоря, что они несовременны, устарели, «стоят на религиозно низшей ступени». Человек не может изменять слова Писания, но понимает, что и молиться этими словами он не может. Он способен их читать и слушать как молитву другого человека, удивляться им, использовать как подспорье — но не в состоянии ни молиться ими, ни вычеркнуть их из Священного Писания.

Конечно, здесь практически в любом случае стоило бы сказать, что в такой ситуации каждый христианин должен для начала брать за те псалмы, которые он понимает и которыми может молиться, и что при чтении других псалмов ему необходимо научиться попросту оставлять непонятное и трудное в Священном Писании и возвращаться к простому и понятному. Но фактически молитва псалмами, трудная для нас, на которой мы запинаемся, которая нас страшит, дает нам понять, что здесь молящимся является Кто-то другой, но не мы сами; что Тот, Кто здесь уверяет в Своей невинности, Кто призывает суд Божий, Кто впал в глубочайшее страдание, является никем иным, как Самим Христом. Это Он здесь молится и не только здесь, но и во всех псалмах.

С древних времен Новый Завет и церковь это положение распознали и подтвердили. *Человек* Иисус Христос, Которому не чужда никакая нужда, никакая болезнь, никакое страдание и

Который был совершенно невиновен и праведен, молится в Псалтире устами Своей общины. Псалтирь — это молитвенник Иисуса Христа. Его молитвы составили Псалтирь, который стал Его молитвой на веки веков. Вот так Псалтирь может быть одновременно молитвой к Богу и Словом Самого Бога, именно здесь мы встречаемся с молящимся Христом. Иисус Христос молится псалмами в Своей общине. И Его община, и каждый в отдельности молится, но молится именно потому, что в нем молится Христос; молится во имя Иисуса Христа; молится не по естественному позыву своего сердца, а из принятого человеческого естества Христа; молится на основе молитвы человека Иисуса Христа. Но именно потому и обретает его молитва обетование быть услышанной. Поскольку в псалмах Христос молится вместе с каждым и с общиной перед престолом Бога, поскольку голоса молящихся звучат здесь вместе с молитвой Иисуса Христа, то и достигает их молитва слуха Божьего. Тут Христос стал их Ходатаем.

Псалтирь — это молитва Христа, представляющая Его общину. Но, поскольку Христос пребывает у Отца, то новое человеческое естество Христово — Тело Его на земле — молится Его молитвой до завершения времен. И не отдельному члену, но всему Телу Христову принадлежит эта молитва. Только в Нем как в целом живет все то, о чем говорит Псалтирь, чего никогда не сможет полностью понять и назвать своим собственным каждый в отдельности. Поэтому молитва псалмами особенным образом должна быть представлена в общине. Ни строфа, ни псалом не являются моими собственными, они являются и молитвой кого-то другого из общины, и наверняка молитвой истинного человека Иисуса Христа и Его Тела на земле.

В Псалтире мы учимся молиться на основе молитвы Христа. Псалтирь является великой школой моления.

Во-первых, здесь мы учимся, что вообще означает «молиться», молиться на основе Слова Божьего, молиться на основе

обетований. Христианская молитва зиждется на прочном основании Слова откровения и не имеет ничего общего с неопределенными страстными желаниями. Мы молимся на основе молитвы истинного человека — Иисуса Христа. Это и имеет в виду Писание, когда говорит о том, что Святой Дух молится в нас и за нас, что Христос молится за нас, что мы только во имя Иисуса Христа можем праведно молиться Богу.

Во-вторых, молясь псалмами, мы учимся тому, как нужно молиться. Мы произносим всю молитву Христову, которая являлась молитвой Того, Кто был истинным человеком и Кто единственный обладает полной мерой этих молитв.

Значит, нам позволено произносить и псалмы мести? Нам как грешникам, связывающим эти псалмы с плохими мыслями, не позволено этого делать; но нам, в ком пребывает Христос, Который все возмездие Божье принял на Себя, Которого вместо нас постигла Божья кара, Который, будучи настигнутым возмездием Божиим, смог простить врагам, Который Сам принял возмездие, чтобы враги Его смогли освободиться, — нам как членам сообщества Иисуса Христа позволено произносить и эти псалмы, произносить их в молитве через Иисуса Христа, из сердца Иисуса Христа.

Позволено ли нам вслед за псалмопевцем называть себя «безвинными», «богобоязненными» и «праведными»? Нам не позволено это, потому что мы «сами по себе», нам нельзя этого делать из своего превратного сердца; но мы можем и должны делать это из сердца Иисуса Христа, которое было безгрешно и чисто, это позволено нам из безвинности Христовой, в которой Он дал нам соучастие через нашу веру; мы, которым «Христова кровь и праведность стали украшением и почетным одеянием», можем и должны произносить псалмы безвинности, которые являются молитвой Христа за нас и Его даром нам. И эти псалмы принадлежат нам через Него.

А как произносить нам молитвы несказанной нужды и страдания, с которыми мы вряд ли сталкивались и которые мы даже отдаленно не можем себе представить? Произносить не для того, чтобы вникнуть в то, чего мы по собственному опыту не знаем, не для того, чтобы самих себя пожалеть? Но поскольку все это истинно и действительно было во Христе, поскольку человек Иисус Христос принял недуг, боль, позор и смерть, поскольку Он в Своем страдании и смерти умер за всю плоть — поэтому мы можем и должны произносить псалмы страдания. Смерть нашего ветхого человека через смерть Иисуса на кресте даст нам право на эти молитвы. Через крест Иисуса эти псалмы стали уделом и молитвой из Его сердца Тела Его на земле.

В-третьих, молитва псалмами учит нас молиться вместе. Молится Тело Христово — и я, как один из его членов, понимаю, что моя молитва является только маленькой частью всей молитвы общины. Я учусь молиться молитвой Тела Христового. Это поднимает меня над моей ограниченностью и заставляет меня молиться не только за себя. Весьма вероятно, что в ветхозаветной общине многие псалмы произносились попеременно. Так называемый «parallelismus membrorum» — странное повторение одного и того же разными словами во второй строчке строфы — наверняка не только литературная фигура, но и образ, который имеет церковно-теологический смысл. Стоило бы исследовать этот вопрос основательно.

В этом отношении особенно ясным примером является Псалом 5. Его поют два голоса, которые разными словами представляют перед Богом одну и ту же причину моления. Не является ли это указанием на то, что молящийся молится не один и что всегда должен молиться кто-то другой — член общины, член Тела Христового или Сам Иисус Христос, — чтобы молитва отдельного человека становилась истинной молитвой? Повторение одного и того же, выходящее в Псалме 118 даже на уровень «недоступно-неистолковываемо-простого», «нежела-

ния подвести черту», не должно ли точно так же указывать на то, что каждое слово молитвы стремится проникнуть в такую глубину сердца, которая может быть достигнута только непрерывным повторением? Что в молитве речь идет не об одноразовом, полном нужды или радости «выворачивании» человеческого сердца, но о непрерывном, постоянном обучении, преклонении, заповинании и принятии воли Божьей в Иисусе Христе? Бтингер в своем толковании псалмов открыл глубокую истину, когда включил весь Псалтирь в семь просьб молитвы «Отче наш». Тем самым он хотел сказать, что в объемной, большой книге речь идет о том же, что и в кратких просьбах молитвы Господней. Во всех наших молитвах всегда остается только молитва Иисуса Христа, являющаяся обетованием и освобождающая нас от языческой болтовни. Чем глубже вникнем мы в псалмы, чем чаще будем использовать их как молитву, тем проще и богаче будет наша молитва.

Читая Писание

«Занимайся чтением» (1 Тим. 4:13). После моления псалмами следует чтение Писания, прерываемое песней домашней общины. И прежде чем мы приступим к правильному совместному чтению Писания, нам необходимо преодолеть некоторые предубеждения. Почти все мы выросли в убеждении, что читаем Писание для того, чтобы услышать Слово Божье для сегодняшнего дня. Поэтому у многих чтение состоит лишь из некоторых коротких избранных фраз, которые должны образовать словозвездие на предстоящий день. Не вызывает сомнения, что девиз общины и всех, кто его применяет, — это благословение. Именно во времена борьбы церкви многие поняли это к своему большому удивлению. Также не стоит сомневаться в том, что короткие лозунги и девизы не могут и не должны заменять собой чтение Писания. Священное Писание не является лозунгом

дня, оно предназначено для всех времен до самого последнего дня. Священное Писание — это больше, чем лозунг, и больше, чем «хлеб на один день». Оно является откровением Бога для всех людей и всех времен. Священное Писание — книга, содержащая отдельные высказывания, это нечто целое, и раскрыться оно может только как целое.

Будучи целым, Писание является Божьим Словом откровения. Лишь во взаимосвязях Ветхого и Нового Заветов, обетования и его исполнения, жертвы и закона, закона и Евангелия, креста и Воскресения, веры и покорности, обладания и надежды становится возможным восприятие полного свидетельства о Господе Иисусе Христе. Поэтому совместная молитва кроме моления псалмами обязана содержать еще и длительное чтение Ветхого и Нового Заветов.

Христианская домашняя община наверняка должна быть в состоянии прочитывать и прослушивать утром и вечером по одной главе из Ветхого Завета и по полглаве из Нового Завета. При первой попытке, однако, окажется, что даже этот небольшой объем большинство прочесть не сможет. Многие считают, что нельзя действительно воспринять и усвоить такое большое количество мыслей и взаимосвязей и что не стоит прочитывать больше, чем человек способен серьезно переработать, иначе это будет пренебрежением Словом Божьим. И, высказав это мнение, человек будет снова удовлетворяться чтением лозунгов.

На самом деле под этими соображениями скрывается тяжкая вина. Если нам, взрослым христианам, уже тяжело воспринять целиком одну главу из Ветхого Завета, то это должно наполнить нас чувством глубокого стыда: ведь если была известна суть того, что мы читаем, то чтение главы не давалось бы нам с трудом. Значит, нам нужно признать, что Священное Писание по большому счету все еще нам незнакомо. Разве можно не испытывать вины за наше незнание Слова Божьего и не

стараться серьезно и верно наверстать упущенное? И не должны ли быть впереди всех в этом деле именно геологи?

А возражения, что, мол, совместное богослужение предназначено не для того, чтобы ознакомиться с Писанием, и что это обьеденная цель, которая должна быть достигнута вне богослужения, не заслуживают серьезного отношения. Основание для таких отговорок — полностью превратное понимание молитвы. Слово Божье каждый должен слышать по-своему, в меру своего понимания. Дитя слышит и изучает в молитве библейскую историю в первый раз, совершеннолетний христианин исследует ее снова и снова и все лучше и лучше, но он никогда не сможет выучить ее до конца.

Но и ребенок, и взрослый будут жаловаться на то, что для них чтение Писания зачастую слишком длинно и что многого они не улавливают. Но парадокс состоит в том, что как раз для зрелого христианина каждое чтение Писания «слишком длинно». Что это значит? Писание — это нечто целое, и каждое слово, каждое предложение находится в таких разнообразных отношениях к целому, что на фоне отдельного отрезка невозможно держать в поле зрения все целое. Очевидно, что вся целостность Писания, а потому и каждое его слово намного превосходят наше понимание, и хорошо, если мы каждый день будем напоминать себе об этом факте. Это поможет нам приближаться к Самому Иисусу Христу, в «Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2:3). Наверное, можно сказать, что каждое чтение Писания как раз и должно быть «слишком длинным», чтобы оно не опускалось до уровня поговорок и банальных премудростей, но оставалось божественным Откровением в Иисусе Христе.

Поскольку Писание представляет собой одно *тело*, одну живую целостность, то чтение его в домашней общине становится прежде всего «чтением с продолжением». Исторические книги, книги пророков, евангелия, послания, Откровение чита-

ются и слушаются во взаимосвязи как Слово Божье. Они перемещают членов общины в чудесный мир откровения народа Израиля с его пророками, судьями, царями и священниками, войнами, праздниками, жертвами и страданиями; община входится в рождественскую историю, крещение, чудеса и речи, страдания, смерть и воскресение Иисуса Христа; верующие участвуют в том, что однажды произошло на земле во спасение всего мира, и сами принимают здесь и во всем этом спасение в Иисусе Христе.

Непрерывное чтение Библии призывает каждого желающего переместиться туда, чтобы быть там, где Бог однажды и навсегда проявил Себя во спасение людей. Именно в чтении как богослужении предстают перед нами совершенно новыми исторические книги Священного Писания. Мы участвуем в том, что однажды случилось нам во спасение, мы тоже самозабвенно идем через Чермное море, через Иордан в Землю обетованную, мы сомневаемся вместе с Израилем, впадаем в неверие и снова познаем через наказание и покаяние Божию помощь и верность. Все это происходит не в снах, а в святой божественной действительности. Мы вырываемся из своего рутинного бытия и оказываемся в святой истории Бога на земле. И важно не то, то Бог является созерцателем и участником нашей сегодняшней жизни, а то, что мы являемся благоговейными слушателями и участниками божественных деяний в святой истории, в истории Христа на земле. И в зависимости от того, в какой мере мы там находимся, пребывает Бог сегодня с нами.

Здесь происходит полное обращение. Богу не нужно еще только начинать проявлять Свою помощь и присутствие в нашей жизни, ибо Божья помощь уже проявилась для нас в жизни Иисуса Христа. И нам действительно важнее знать, что Бог сошел для народа Израиля и в Сыне Своем, чем исследовать, каковы сегодня Его намерения в отношении нас. То, что Иисус Христос умер, важнее, чем то, что умру я; и то, что Иисус

Христос был воскрешен из мертвых, является единственным основанием моей надежды, что и я буду воскрешен в последний день. Наше спасение является «вне нас самих», его я нахожу не в истории своей жизни, а в истории Иисуса Христа. Только тот, кто находит себя в Иисусе Христе, в Его становлении человеком, Его кресте и Его воскресении, — только он пребывает в Боге и Бог в нем.

С этой точки зрения чтение Писания как богослужение день ото дня становится для нас все значительнее и спасительнее. То, что мы называем своей жизнью, виною, бедами, вовсе не является действительностью, ибо наша жизнь, нужда, вина и наше спасение — там, в Писании. Поскольку Богу понравилось творить над нами там, постольку и помощь для нас может быть только там. Только из Священного Писания знакомимся мы с нашей собственной историей. Бог Авраама, Исаака и Иакова есть Бог и Отец Иисуса Христа и наш Бог.

Нам снова необходимо так знакомиться со Священным Писанием, как его знали реформаторы, как его изучали наши отцы. И нас не должны пугать связанные с этим затраты времени и труда. Нам необходимо знать Священное Писание прежде всего ради собственного спасения. Но наряду с этим есть и целый ряд иных причин, делающих это требование для нас совершенно необходимым. Как мы сможем, например, достигнуть определенности и уверенности в своих личных и церковных поступках, если мы не стоим на твердом основании Писания? Не наше сердце, а Слово Божье решает, каким должен быть наш путь. Но кто сегодня знает что-то более истинное, чем доказательство Писания? Как часто в качестве обоснования важнейших решений мы слышим бесчисленные аргументы типа «Как показывает жизнь», «На основании опыта!» При этом доказательство Писания остаются в стороне, в то время как они указывают в противоположном направлении. И не следует удивляться, что как раз тот, кто Писание знает по-

верхностно и не пытается исследовать его глубже, — именно он пытается обесценить доказательства, представленные в Писании. А кто не намерен учиться самостоятельно исследовать Писание, тот не является евангельским христианином.

Далее можно было бы спросить: «Как иначе могли бы мы по-настоящему помочь брату-христианину в его нужде, если не Словом Божиим, ведь все наши слова оказываются бесполезными?» Тот же, кто, подобно хорошему «хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф. 13:52), способен говорить на основе указаний, предупреждений, утешений Писания, — тот сможет Словом Божиим и дьявола изгнать, и брату помогать. «Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение» (2 Тим. 3:15).

Как мы должны читать Священное Писание? В домашней общине лучше всего практиковать попеременное беспорядочное чтение участников. При этом может выясниться, что читать Писание вслух нелегко. Чем безыскуснее, деловитее и смиреннее наше отношение к материалу, тем больше чтение будет соответствовать своей цели. Зачастую при этом явственно проявляется различие между опытным христианином и новичком. В качестве верного правила чтения Писания вслух можно считать то, что читающий никогда не должен идентифицировать себя самого со звучащим там «Я». В Писании не я гневаюсь, а Бог гневается; не я утешаю, а Бог утешает; не я предупреждаю, а Бог предупреждает. И конечно, то, что это гневается, утешает, предупреждает Бог, я должен произносить не равнодушно и монотонно, а с внутренним соучастием, как тот, кто считает это и обращением к себе. Но именно в этом и состоит различие между верным и неверным способами чтения Писания — в том, что я себя не пугаю с Богом, а служу Ему. В противном случае я буду читать риторически, патетически, трогательно или назидатель-

но, т.е. буду направлять внимание слушателя на себя, а не на Слово, а это является грехом.

Если попытаться пояснить это обычным примером, то ситуация с чтением Писания вслух скорее всего напомнила бы чтение вслух письма близкого друга. Я бы не читал письмо так, как если бы я сам его написал (потому что я его не писал); в то же время я не смог бы прочитать письмо друга так, как если бы оно меня вообще не касалось (так как оно адресовано мне); я читал бы его с сердечным соучастием и отношением. Верное чтение Писания вслух не является техническим занятием, которому можно натренироваться, оно набирает или теряет силу в соответствии с нашим духовным состоянием. Трудное с оставками чтение постаревшего христианина по силе зачастую превосходит отточенное по форме чтение пастора. В этом отношении в христианской домашней общине один вполне может быть для другого советчиком и помощником.

Но наряду с чтением Писания не нужно забывать и вычитывание лозунгов. Как девиз на неделю или на день лозунг может найти свое место в начале молитвы или где-то в ином месте.

Воспевай новую песню

К молению псалмами и чтению Писания вслух присоединяется и совместная песня как восхваляющий, благодарящий и просящий голос церкви.

«Пойте Господу песню новую», — призывает нас Псалтирь. Это снова и снова звучащая каждое утро христианская песня, которая настраивает домашнюю общину в утренний час; это новая песня, исполняемая всей общиной Божьей на земле и в небесах; это песня, петь которую призваны и мы. Единственную великую песню-хвалу приготовил Себе Бог в вечности, и вступающие в общину Божью включают в нее и

свой голос. Это песня хвалы «при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости» до создания мира (Иов. 38:7). Это победная песнь детей Израилевых после пересечения Чермного моря; хвалебная песнь Марии после объявления обетования; хвала Павла и Силы в ночь заключения; песнь певцов у хрустального моря после спасения; песнь «Моисея и Агнца» (см. Отк. 15:3); новая песня небесной общины.

Утром каждого дня община на земле запевает эту песню и вечером завершает день этой песней. В ней возносятся хвала триединному Богу и делу Его. По-своему звучит она на земле и в небесах. На земле это песнь верующих, в небесах — песнь созидающих; на земле песня бедными человеческими словами, в небесах — «неизреченными словами, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:4), песня, которой не мог научиться никто, «кроме сих 144 000» (Отк. 14:3), которая сопровождается «гуслиями Божьими» (Отк. 15:2).

Что знаем мы об этой новой песне и гуслиях Божьих? Наша новая песня — это земная песня, песня паломников и странников, для которых Слово Божье вошло солнцем и освещает их путь. Наша земная песня привязана к слову откровения Божьего в Иисусе Христе. Она является незамысловатой песней детей этой земли, которые стали детьми Божьими — песня без экстаза, песня от мира сего: трезвая, благодарная, с молением направленная на откровение Слова Божьего.

«Поя и воспевай в сердцах ваших Господу» (Еф. 5:19). Новая песня поется прежде всего сердцами, иначе она и не может исполняться. Сердце поет, так как оно исполнено Христом, и потому любое пение в общине является духовным делом. Подчинение себя общине, смирение, дисциплина являются предпосылками совместного пения. Где не поет сердце, там наблюдается лишь ужасный хаос человеческого самопрославления.

ния, там человек поет почти самому себе или музыке. Так новая песнь становится песней идолам.

«Назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными» (Еф. 5:19). Наша песнь на земле является речью, поощимся словом. Почему христиане поют, когда собираются вместе? Прежде всего потому, что в этом совместном пении одно и то же слово можно одновременно и петь, и проносить в молитве, так что поют они ради объединения в слове. Каждая молитва, каждое собрание предназначается слову в песне. И если все вместе не говорят, а поют, то это служит лишь выражением того, что произнесенных нами слов не хватает, чтобы выразить то, что мы хотели бы сказать; что предмет нашего пения выходит далеко за границы всех человеческих слов. И, тем не менее, мы не мямлим, а поем слова во хвалу Господа, в благодарение, в признание, как молитву. Таким образом музыка целиком пребывает в служении Слову и разъясняет Слово в его непостижимости.

Песня в богослужении в общине, особенно в домашней общине, по сути своей однопологая песня, поскольку она связана со словом. В ней слово и звук переплетены между собой уникальным образом. Свободно льющийся звук однополового пения имеет своей единственной и существенной опорой слово, которое поется, и потому такая песня не нуждается в других голосах в качестве музыкальной опоры.

«Сегодня поем мы все устами в единстве и сердечной глубине», — пели «Богемские братья».

«Дабы вы единомысленно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 15:6). Чистота однополового пения, не тронутая чуждыми мотивами музыкальной роскоши; ясность, не замутненная темным желанием наряду со словом наполнить музыку еще и чувством собственного права;

простота, человечность и теплота пения вообще являются существенно земного пения в общине. Конечно, нашему неидеальному слуху открывается это медленно и после долгих репетиций. И если община сможет прийти к верному однополосому пению, это будет доказательством духовной силы общины. В таком обществе поется от сердца, поется Господу, поется слово в единодушии.

Есть у однополового пения и враги, которых необходимо со всей решительностью истребить в общине. Ведь нигде в богослужении не могут проявить себя в такой мере тщеславие и дурной вкус, как в пении. Первым среди них является импровизированный второй голос, с которым можно встретиться почти везде, где пение осуществляется совместно. Этот голос пытается предоставить взлетающему однополосому звуку необходимую опору и при этом убивает и слово, и звук. Таким свойством обладает бас или альт, который пытается обратить внимание всех поющих на то, каким поразительным является он сам. Так и голос солиста, широко вырывающийся из полной груди, с сотрясениями затмевает все остальное. Это и такие менее опасные враги совместного пения, как «лишенные музыкального слуха» (те, кто петь не умеет), хотя их в действительности намного меньше, чем мы думаем. В конце концов, это люди, которые из-за плохого настроения или по какой-то другой причине петь не хотят и тем самым мешают общине.

Однополосое пение, как бы странно это ни казалось, гораздо меньше дело музыкальное, нежели духовное. Только там, где каждый готов к состоянию молитвы и воспитания, однополосое пение может дать нам радость, которая свойственна только ему.

Для обучения однополосому пению прежде всего необходимо рассмотреть реформаторские хоралы, песни «Богемских братьев» и старореформаторские произведения. На их основе мы пойдем, какие песни из нашего песенника подходят для одно-

голосого пения, а какие нет. Любое доктринерство, которое сегодня столь часто встречается в этой области, — это нечто от лукавого. Решение здесь может действительно приниматься только от случая к случаю, и нам нельзя позволять себе необдуманных шагов. Христианская домашняя община должна стараться научиться свободно петь наизусть как можно более обширный репертуар песен. Она достигнет этой цели, если на каждом богослужении кроме свободно избранных песен будет исполнять в перерывах между чтением и некоторые постоянные строфы.

Не только в богослужениях, но и через равные промежутки времени в ходе дня или недели надо упражняться в пении. Чем больше мы поем, тем больше будет наша радость от этого; и прежде всего: чем собраннее, воспитаннее, радостнее мы поем, тем богаче будет благословение, исходящее от совместного пения на всю жизнь общины.

То, что становится слышимым при совместном пении, является гласом церкви. Не я пою, а церковь поет, а мне, как ее члену, дано участвовать в ее пении. Так что совместное пение должно служить тому, чтобы расширяться духовный взгляд, чтобы мы распознавали в нашей маленькой общине член тела великого христианства на земле, чтобы мы осознанно и радостно подчиняли себя с нашим пением песне церкви.

Совместно молись

Слово Божье, голос церкви и наша молитва — это все части одного целого. Поэтому сейчас мы поговорим о совместной молитве. «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф. 18:19). Нет в совместном богослужении такой же серьезной и трудной части, как совместная молитва, ибо здесь должны говорить мы сами. Мы услышали Слово Божье,

нам дано было подпевать и в церковной песне, и вот теперь мы как община обязаны молиться перед Богом, и эта молитва действительно должна стать *нашим* словом, *нашей* молитвой на этот день, на нашу работу, для нашей общины, для особых нужд и грехов, которые всех нас угнетают, за людей, за которых мы отвечаем.

Или же нам действительно не надо за себя молиться, и молитва собственными словами из собственных уст после совместной молитвы вообще невозможна? Нет, христиане, намеревающиеся жить вместе под Словом Божиим, имеют право и должны все вместе молиться собственными словами к Богу. У них совместные просьбы к Богу, совместное благодарение, совместные ходатайства за других, и пусть они это совершают с радостью и уверенностью. Всякий страх друг перед другом, вся робость перед молитвой своими словами в присутствии других людей должны отступить там, где совместная братская молитва во всей своей ясности и простоте произносится перед Богом одним из братьев. И точно так же здесь могут и должны умолкнуть всякое суждение и критика, ибо здесь наивными словами произносится молитва во имя Иисуса Христа. Фактически совершенно нормальным в совместной христианской жизни является то, что мы молимся вместе, и, как бы ни была хороша и полезна наша сдержанность в молитвах, все это не должно подавлять необходимость в свободной молитве, ибо о ней Иисус Христос говорил, что на нее будет дан ответ.

Свободная молитва в конце богослужения произносится главой семьи, во всяком случае одним и тем же братом — такая на эту молитву возлагается ответственность. Но чтобы защитить молитву от контроля, один человек должен продолжительно время молиться за всех.

Первой предпосылкой для того, чтобы молитва одного человека могла стать возможной для всех, является просьба всех за этого одного и за его молитву. Как иначе сможет он

один молиться за всю общину, если сама община не будет поддерживать и укреплять его молитвой? Каждое слово возможной критики должно быть именно здесь заменено вернейшей просьбой за него, братской помощью. Иначе именно здесь легко может разрушиться сама община!

Свободная молитва в совместном богослужении должна быть молитвой сообщества, а не молитвой того конкретного человека, который молится. Это его поручение — молиться за общину. Так что ему необходимо жить повседневной жизнью общины, он должен знать ее заботы и нужды, ее радость и благодарность, ее просьбы и надежды. Ее работа и все, что с ней связано, не должно быть неизвестным для него. Он молится как брат среди братьев. И если он хочет избежать подмены сердца всей общины своим собственным сердцем, если он действительно преследует только выполнение своего поручения — молиться за общину, — он должен быть терпеливым и бдительным. Неплохо будет, если ему, выполняющему поручение, община будет оказывать помощь и давать советы, если он будет получать указания и просьбы упомянуть в молитве о той или иной нужде, о той или иной работе, о том или ином человеке. Так молитва все больше и больше будет становиться совместной молитвой всех.

Но и свободная молитва должна руководствоваться неким внутренним порядком. Она является не хаотичным открывением человеческого сердца, а молитвой организованного в своей сути сообщества. Некоторые составляющие молитвы будут повторяться ежедневно, пусть даже в разной форме. В каждом дневном повторении одних и тех же просьб, которые нам поручены общиной, вначале чувствуется некая монотонность, но позже, конечно же, наступит освобождение от всех слишком индивидуальных форм молитвы. Если к подборке ежедневно повторяемых просьб присоединить и другие, то надо будет попытаться распределить их по дням недели. Если это окажется

невозможным в совместном богослужении, то наверняка получится в личной молитве. Для очищения свободной молитвы от произвольного истолкования поможет именно соединение молитвы с одним из моментов чтения Писания вслух. Молитва обретет в этом прочное основание и опору.

Иногда оказывается, что человек, которому поручено молиться за общину, внутренне совершенно не готов к этому, и думается, что было бы лучше предоставить это кому-то другому. Но делать этого не следует. Иначе молитва общины станет слишком зависеть от влияния настроений, которые не имеют ничего общего с духовной жизнью. Именно там, где человек опустошенный, усталый или чувствующий вину, будет пытаться уклониться от выполнения своего поручения, он должен научиться нести ответственность за поручение общины, а братьям придется терпеть его с его слабостями, с его неспособностью к молитве. Может быть, именно тогда и подтвердятся слова апостола Павла: «Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8:26). Все зависит от того, насколько община понимает молитву брата как свою собственную, и повторяет ее про себя.

Использование уже сформулированных молитв в определенных условиях может быть поддержкой для небольшой домашней общины, но зачастую это является лишь уклонением от действительного моления. На основании церковных форм и богатых мыслей мы легко можем выпасть за рамки «собственной молитвы», а такие молитвы, хотя и звучат красиво и глубоко, но стоящими не являются. Каким бы богатым ни представлялось молящемуся церковное молитвенное наследие, оно все же не может заменить собою молитву, которую я намерен произнести моему Богу именно сегодня. Неуклюжее запинание может оказаться здесь лучшим вариантом, чем тщательным образом сформулированная молитва. А то, что соотношение составляю-

щих частей в публичном богослужении является иным, нежели в повседневной домашней общине, понятно всем.

Кроме ежедневной молитвы в совместном богослужении в христианском жизненном сообществе часто существует еще и стремление к объединению в молитве по особенным поводам. Здесь невозможно установить какого-либо правила, кроме такого: только там, где есть совместное желание и совместное участие в определенных молитвенных часах, такие часы должны проводиться. Здесь каждое отдельное мероприятие порождает разногласие в сообществе. Именно в этой области необходимо понять, что сильные терпеливо относятся к слабым, а слабые не судят сильных. Тому, что свободное сообщество для молитвы является само собой разумеющимся и естественным фактом, учит нас Новый Завет. Там же, где существует недоверие и боязливость, люди должны с терпением относиться друг к другу. Ничто не должно проводиться насильно, но все — свободно и с любовью.

Застольное общение

Мы описали утреннее богослужение одной христианской жизненной общины. Слово Божье, церковная песня и молитва начинают день этой общины. И лишь когда люди накормлены и укреплены хлебом вечной жизни, они объединяются, чтобы принять от Бога хлеб земной для телесной жизни. В благодарении и молении о Божьем благословении христианская домашняя община принимает хлеб насущный из руки Господней. С тех пор как Иисус Христос сидел с учениками Своими за столом, совместное пребывание за столом Его общины благословлено Его присутствием. «И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его» (Лк 24:30).

Писание повествует о трех застольях Иисуса с учениками: о повседневном совместном застолье, о совместном застолье Святого причастия, о последнем застолье в Царстве Божьем. Но во всех трех главное в одном: «Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его».

Что означает «в дарах узнать Иисуса Христа»?

Это значит, во-первых: увидеть в Нем Даятеля всех даров, вместе с Отцом и Святым Духом увидеть Его как Господа и Творца нашего мира. «И благослови то, что Ты нам даровал», — молится поэтому община за столом, и это становится ее исповедью вечной божественности Иисуса Христа.

Во-вторых, община распознает, что все земные дары даны ей только ради Христа, как и весь мир сей сохраняется только ради Иисуса Христа, ради Его слова и Его проповеди. Он является истинным хлебом жизни, Он не только Даятель, но и Дар, ради Которого даются и все остальные земные дары. Только потому, что слово Иисуса Христа все еще должно исходить и находить веру и наша вера еще не совершенна, сохраняет нас Бог в Своем терпении со Своими добрыми дарами. Поэтому и молилась христианская застольная община словами Лютера: «Господи Боже, дорогой небесный Отец, благослови нас и эти Твои дары, которые принимаем мы от Твоей милосердной доброты через *Иисуса Христа, Спасителя нашего*. Аминь». Тем самым она признавала Иисуса Христа божественным Посредником и Спасителем.

В-третьих, община Христова верит, что Господь намерен присутствовать рядом с нею, где бы она Его ни попросила. Поэтому она и молится: «Приди, Господи Иисусе, будь нашим Гостем», — и признает тем самым милостивое присутствие во всем Иисуса Христа. Каждое застольное единение наполняет христиан благодарностью по отношению к присутствующему Господу и Богу Иисусу Христу. И здесь христиане именно в полной радости от добрых даров распознают своего Господа

как истинного Дарователя всего доброго, но, кроме того, еще и как сам истинный дар, сам хлеб жизни и, в конце концов, как Призывающего их к вечеру радости в Царстве Божьем. Бог таким особенным образом повседневная застольная община связывает христиан с их Господом и друг с другом. Над столом они распознают своего Господа как Того, Кто преломляет с нами хлеб, и глаза их веры раскрываются.

Застольная община — это нечто праздничное. В повседневной работе она снова и снова является для нас даруемым воспоминанием о покое Бога после Его трудов, о шabbате (субботе) как смысле и цели недели и ее стараний. Жизнь наша — это не только старания и работа, но и отдых, и радость по доброту Божьей. Мы трудимся, но питаем и сохраняем нас Бог. Это повод для праздника. Не в заботах своих должен человек есть хлеб свой (см. Пс. 126:2), но «есть с веселием хлеб твой» (Екк. 9:7), «И похвалил я веселие, пить и веселиться» (8:15), но, конечно, «Кто может есть и кто может наслаждаться без Него?» (2:25). О семидесяти старейшинах народа израильского, которые поднялись с Моисеем и Аароном на гору Синайскую, говорится: «Они видели Бога, и ели, и пили» (Исх. 24:11). Бог не выносит нашу непраздничную сущность, принимающую хлеб со вздохами, с надутой деловитостью или даже со стыдом. Через повседневный прием пищи призывает Он нас к радости, к празднику среди рабочих будней.

Застольное единение христиан — это их обязанность. Ведь это *наш* хлеб насыщенный, тот, что мы едим, но не мой собственный. Мы делим наш хлеб. Так что мы прочно связаны друг с другом не только в духе, но и во всей нашей телесной сущности. Один хлеб, данный нашей общине, заключает нас в прочный союз. И потому не может один голодать, пока у другого есть хлеб, и тот, кто разрушает это сообщество телесной жизни, разрушает тем самым и сообщество духа; оба они связаны не-

разрывно. «Раздели с голодным хлеб твой» (Ис. 58:7). «Не огорчай человека в скудости его» (Сир. 4:2), ибо в голодном человеке с нами встречается Господь (см. Мф. 25:37). «Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы?» (Иак. 2:15-16). Сколько бы человек ни ели хлеб вместе, никто не умрет от голода. И лишь тогда, когда кто-то один захочет сохранить для себя самого хлеб свой, начинается голод. Вот такой «странный» у Бога закон. Неужели чудесная история о том, как двумя рыбами и пятью хлебами накормили пять тысяч человек, не содержит наряду со многими другими еще и этот смысл?

Застольная община учит христиан тому, что здесь они еще едят преходящий хлеб земного паломничества. Но если они этот хлеб делят друг с другом, они однажды получат и не преходящий хлеб в доме Отца. «Блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!» (Лк. 14:15).

Дневная работа

После первого утреннего часа христианина ожидает работа. «Выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера» (Пс. 103:23). Христианская община в большинстве случаев на все время работы разойдется. Работать и молиться — две разные вещи. Молитва не должна мешать работе, а работа — молитве. Как в соответствии с Божьей волей человек должен шесть дней работать, а на седьмой отдыхать и праздновать пред лицом Божиим, так и каждый день христианина по Божьей же воле посвящен двум вещам: молитве и работе. На молитву тоже необходимо время. Но большая часть дня принадлежит работе. Только там, где каждое из этих дел обретет свое собственное право, станет явственным неразрывимое единство обоих. Без тягот и трудов дня молитва не будет молитвою, а без молитвы

работа не будет работою. Христианин знает это. Таким образом, в ясном различении одного и другого открывается их единство.

Работа переносит человека в мир вещей, которые требуют от него труда. Из мира братского единения христианин выходит в мир безличных вещей, туда, где все есть «это» и где эта новая встреча освобождает его для трудовой деятельности, ибо мир является всего лишь инструментом в руке Божьей для очищения христианина от всякого замыкания на самом себе и от болёзней своего «я». Мирское дело может быть совершенно только там, где человек забудет самого себя, где он утратит себя ради дела, ради действительности, ради задачи, ради «этого». Христианин учится в работе ограничиваться предметом ее, раба становится для него средством излечения от инертности и уюта собственной плоти. В мирских делах отмирают претензии плоти. Но это может произойти лишь там, где христианин проявится сквозь «это» к понятию «Ты» у Бога, которое повелевает ему совершать эту работу во имя освобождения себя самого.

Работа тем самым не перестает быть работой. Но одновременно следует прорыв, единство между молитвой и работой определено, найдено и единство дня, ибо за трудовым миром «этого» отыскать божественное «Ты» — это и есть то, о чем апостол Павел пишет: «Непрестанно молитесь» (1 Фес. 5:17). Вот такое значение имеет моление христианина сверх всякого ответного ему для этого времени до самой работы. Оно охватывает весь день, при этом не мешает работе, а даже способствует ей, утверждает ее, наполняет ее серьезностью и радостью. Так становится молитвой всякое слово, каждое дело, любая работа христианина, но не в прямом понимании этого слова, а в смысле действительного прорыва через жесткое «это» к милостиному «Ты». «И все, что вы делаете словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа» (Кол. 3:17).

На основании обретенного единства весь день наполняется порядком и дисциплиной. В утреннем молении необходимо искать и найти это единство, в работе же его нужно сохранить. Молитва ранним утром решает судьбу дня. Причиной напрасно потерянного времени, которого мы стыдимся, соблазнов, жертвою которых мы становимся, слабости и малодушия в работе, беспорядка и разброда в наших мыслях, как и обхождение с другими людьми, зачастую становится именно утреннее моление, если мы проводим его спустя рукава. Упорядочение и распределение нашего времени принесут больше пользы, если они порождены молитвой. Соблазны, которые рабочий день часто приносит с собой, будут преодолены на основе общения с Богом. Решения, которых требует работа, будут проще и легче там, где они принимаются не из страха перед человеком, а послушанием воле Господней. «И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человека» (Кол. 3:23). Даже нудная работа будет выполняться с большим терпением, если человек стремится познать Бога и Его повеления. Силы для работы будут прибавляться там, где мы будем просить Бога даровать их нам для наших трудов.

Обеденное и вечернее время

Обеденный час становится для христианской общины кратким привалом на пути всего дня. Подня прошло. Община благодарит Бога и просит о сохранении до вечера. Она принимает хлеб насущный и молится:

«Накорми нас, Отец, детей Твоих,
и утешь нас, печальных грешников».

Богу необходимо нас кормить. Нам нельзя и невозвратно только принимать это — мы ведь жалкие грешники, которые

этого не заслужили; так прием пищи, которую дарует нам Господь, становится утешением безутешных. И в этом видно проявление милости и верности, с которыми Бог сохраняет и питает Своих детей. Однако Писание говорит: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10) и привязывает принятие хлеба к выполненной работе. Но Писание говорит не о претензии работающего на свой хлеб, которая была бы у него к Богу. Конечно, работать нам велено, но хлеб является свободным даром милости Бога. То, что наша работа дает нам хлеб, не является фактом самим собой разумеющимся, это подарок по Божьей милости.

Ему Одному принадлежит день. Христианская община соединяется в середине дня, и Бог приглашает ее к столу. Обеденный час является одним из семи моментов времени для молитвы церкви и псалмопевца. На вершине дня призывает церковь триединого Бога восхвалением Его чудес и молитвой о помощи и скорейшем освобождении. В обед потемнело небо над крестом Иисуса Христа. Дело примирения склонилось к своему завершению. И там, где христианская домашняя община соберется вместе для краткого богослужения через пение или молитву, это не будет бесполезным.

Дневная работа завершается. Если она была трудной, христианин поймет, что имел в виду Пауль Герхардт, когда говорил:

«Голова, руки и ноги радуются,
что работа подошла к концу,
радуйся, сердце, ты должно
освободиться от нищеты сей земли
и от трудов греха».

День достаточно долог, чтобы сохранить веру, а у завтрашнего дня будут свои заботы.

И снова собирается христианская домашняя община. Вечернее застолье и последняя молитва объединяют ее. Она молится вместе с учениками Христовыми, идущими в Эммаус: «Господи, останься с нами, ибо наступает вечер, а день идет к своему закату». Это хорошо, если вечернее богослужение действительно приходится на конец дня и таким образом может быть последним словом перед ночным покоем. Когда начинается ночь, еще светлее светит общине истинный свет божественного Слова. Моление псалмами, чтение Писания вслух, песня и совместная молитва завершают день, как они его и начинали.

Однако по отношению к вечерней молитве следует сказать еще несколько слов. В ней отведено особое место для совместной молитвы за других. После завершения трудового дня мы просим Бога о благословении, мире и сохранении всего христианства, за свою общину, за пастора, за бедных, несчастных, одиноких, больных и умирающих, за своих соседей, нищих, близких дома и за свое сообщество. Когда могли бы мы знать еще больше о Божьей власти и Его деяниях, если не в тот час, в который мы откладываем всю работу и отдаем себя в Его верные руки? Когда можем мы быть еще более готовыми к молитве о благословении, мире и сохранении, если не по окончании всех своих трудов? Когда мы устали, Бог продолжает дело Своё. «Не дремлет и не спит хранящий Израиля» (Пс. 120:4).

Так что именно в вечерней молитве христианской домашней общины должна звучать просьба о прощении всего неправедного, что мы совершили в отношении Бога и своих братьев; о прощении Божьем, о прощении братском и об искренней готовности простить нанесенную нам обиду. В монастырях в соответствии с древним обычаем настоятель по установившемуся порядку просит прощения у братьев за допущенные просчеты и провинности, а сами братья, в свою очередь, после слов отпущения просят настоятеля о прощении их недочетов и ви-

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

ны и принимают прощение от него. «Солнце да не зайдет во гневаше вашем» (Еф. 4:26). Важным правилом каждого христианского сообщества является то, что все возникшие в течение дня ссоры, неприязнь, непонимание вечером должны быть решены и прощены. Для христианина нельзя отправляться спать с непримирившимся сердцем. Поэтому хорошо, если именно в вечерней молитве прозвучит просьба о братском прощении для примирения и об основании нового единения.

В конце концов, во всех древних вечерних молитвах нам бросается в глаза то, насколько часто встречаются просьбы о сохранении в ночи от сатаны, от страхов, от злой быстрой смерти. Предки наши знали, насколько человек беспомощен во сне, насколько близок сон к смерти, как хитер Сатана, стремящийся привести человека к падению, когда тот беззащитен. Поэтому они молились о поддержке святых ангелов и их златого оружия, о присутствии легионов Господних, если Сатана захочет над нами возобладать. Самой примечательной и глубокой является древнецерковная просьба к Богу, чтобы Он позволил нашему сердцу оставаться открытым навстречу Ему, даже если наши глаза спят. Это молитва о том, чтобы Он соблюдал наше сердце в чистоте и святости перед всеми заботами и испытаниями ночи; чтобы сердце наше было в любое время готово услышать Его призыв и ответить даже ночью, подобно юному Самуилу: «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой» (1 Цар. 3:10). И во сне мы находимся в руке Божией или во власти зла. И во сне может Бог совершить для нас чудо или Сатана нанести нам ущерб. Поэтому вечером мы молимся:

«Хоть и спят глаза наши,
не дай заснуть нашим сердцам,
защити нас, Божья верная рука,
и спаси нас от уз греха» (Лютер).

СОВМЕСТНЫЙ ДЕНЬ

И утро, и вечер стоят под словом из Псалтиря: «Твой день и Твоя ночь» (Пс. 73:16).

Глава 3

День одиночества

«Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе» (Пс. 64:2). Многие ищут общества из страха одиночества. Когда уже некому оставаться одним, они идут к людям. Так и христиане, которые в одиночестве не могут справиться с собой, надеются в сообществе других людей найти помощь. Зачастую они бывают разочарованы и упрекают сообщество в том, что является их собственной виной. Христианская община не является духовным санаторием. Тот, кто, убегая от самого себя, приходит в нее, злоупотребляет ею, чтобы поболтать и развлекаться, даже если эта болтовня и выглядит духовной. В действительности же ни какого сообщества такой человек не ищет, а ищет опьянения,

которое позволило бы ему хотя бы на короткое время позабыть одиночество. Но именно этим и порождается смертельное одиночество человека. Распад слова и всяческого истинного опыта, а в конце концов неверие в себя и духовная смерть являются результатом таких попыток излечения.

Одиночество и молчание

Не умеющий быть один, пусть поостережется и сообщества. Он нанесет и себе самому, и сообществу только вред. Один ты стоял перед Богом, когда Он призвал тебя, один ты должен последовать призыву, один ты должен принять свой крест, бороться и молиться, одному тебе умирать и держать огвет перед Богом. От самого себя тебе не убежать, ибо Бог Сам съядешь призыв Христа к тебе и не можешь принимать участие в сообществе призванных. «Все мы востребованы в смерть, и никому не дано умирать за кого-то другого, но каждый будет сам по себе бороться со смертью... и ни меня не будет рядом с тобою, ни тебя рядом со мною» (Лютер).

А вот другая ситуация: *кто не пребывает в сообществе, тот боится и одиночества.* Ты призван в общину, призыв был не только для тебя одного, в общине призванных ты несешь крест свой, борешься и молишься. Ты не один, даже умирая, и в Судный день ты будешь лишь членом великой Общины Христовой. Пренебрегаешь ты общиной братьев — значит, пренебрегаешь и призывом Иисуса Христа, значит, твое одиночество может стать тебе в погибель. «А должен я умереть, не один я в смерти; а страдаю я, страдают и они (община) вместе со мною» (Лютер).

Мы понимаем: лишь находясь в общине, можем мы быть в одиночестве; и только тот, кто одинок, может жить в общине. Одно неотделимо от другого. Только в общине учимся мы быть

по-настоящему в одиночестве, и только в одиночестве учимся мы по-настоящему пребывать в общине. И вовсе нет у одного преимущества перед другим, но они оба будут востребованы в одно и то же время призывом Христовым.

У каждого из этих положений есть свои глубины и опасности. Тот, кто хочет сообщества без одиночества, впадает в потоку слов и чувствований; а ищущий одиночества без сообщества летит в пропасть тщеславия, самолюбования и отчаяния.

Кто не умеет быть в одиночестве, пусть страшится и сообщества. Не находящийся в сообществе пусть страшится одиночества.

Совместный день христианской домашней общины сопровождается днем одиночества каждого в отдельности. Так и должно быть. Для сообщества неплодотворен совместный день без дня одиночества точно так же, как и для каждого в отдельности.

Отличительной чертой одиночества является молчание, в то время как отличительным признаком сообщества является слово. Молчание и слово пребывают в той же внутренней связи и различии, что одиночество и сообщество. Одного не бывает без другого. Истинное слово порождается молчанием, и истинное молчание — словом.

Молчание не означает «быть немым», как и слово не есть «речь». Немота не порождает одиночества, и разговор не порождает сообщества. «Молчание — это сверхмера, перенаполненность и жертва слова. Немота однако не свята, как вещь, которая лишь калечится, но не приносится в жертву... Захария был нем вместо того, чтобы быть молчаливым. Если бы он принял откровение, может быть, не онемел бы тогда, а в молчании вернул бы из храма» (Эрнст Хелло). Слово, вновь основывающее и создающее сообщество, сопровождается молчанием. «Время молчать, и время говорить» (Екк. 3:7). Как христианину в течение дня нужны определенные часы для слова, особенно со-

вместные богослужения и молитва, так же нужны ему в течение дня и определенные отрезки времени молчания под словом и на основе слова. Это прежде всего моменты времени перед слушанием слова и после него. Слово обращается не к галдящим, а к молчащим. Тишина храма является знаком святого присутствия Бога в Его Слове.

Иногда встречаются люди, которые видят в молчании пренебрежение откровением Бога в Слове. При этом они неверно понимают молчание как праздничный жест, как мистическое стремление «выйти за рамки слова». В молчании они не угадывают его принципиальную связь со словом, не считают его желанием услышать Слово Божье. Мы молчим, чтобы услышать слова, поскольку наши мысли уже направлены на слово; так молчит ребенок, когда входит в комнату отца. Мы молчим после слушания слова, поскольку слово в нас все еще звучит, живет и ищет пристанища. Мы молчим ранним утром, поскольку первое слово должно принадлежать Богу, и перед отходом ко сну мы тоже молчим, потому что последнее слово принадлежит Ему. Мы молчим только ради самого слова, но не для того, чтобы отказать ему в почести, а для того, чтобы почтить и воспринять его по-настоящему.

Молчание означает в конечном итоге не что иное, как «ожидать слова Божия и быть благословленным словом». А то, что необходимо учиться этому как раз в наше время, когда вокруг одни разговоры, это должен знать каждый и сам по себе; а то, что при этом речь идет как раз о том, чтобы суметь помолчать, соблюдать тишину и язык попридержать, — это в конце концов лишь разумное следствие духовного молчания.

Но молчание перед Словом проявит себя и во всем ходе дня, покажет, научились ли мы молчать перед словом, сможем ли мы говорением и молчанием справляться с делами дня.

Однако существует также молчание непозволительное, себе в угоду, высокомерное, оскорбительное. Уже из этого сле-

дует, что речь ни в коем случае не может идти о «просто молчании». Молчание христианина — это слушающее молчание, смиренное молчание, которое именно ради смирения может воцариться в любой момент, молчание в соединении со словом. Это имеет в виду Томас а'Кемпи, когда говорит: «Тот, кто охотно молчит, и говорит увереннее всех». В соблюдении тишины заключена чудесная сила прояснения, очищения, концентрирования на главном. Это уж само по себе обычное дело. А молчание под словом ведет к верному слушанию и, тем самым, к верному произношению Слова Божьего в нужный час. Масса лишнего остается невысказанной. А вот существенное, необходимое можно высказать немногими словами.

Там, где члены домашнего сообщества проживают тесно рядом друг с другом и где нет возможности создать для каждого в отдельности необходимую тишину, там без четко установленных промежутков времени молчания никак не обойтись. После времени молчания мы встречаем другого человека иначе и смотрим на него по-новому. Некоторые домашние сообщества только на основании четкого порядка в этом отношении смогут предоставить каждому в отдельности возможность побыть одному, предохраняя таким образом и само сообщество от раздоров.

Мы здесь не намерены обсуждать те чудеснейшие плоды различного рода, которые могут произрасти для христиан из одиночества и молчания. В любое время тут можно ступить и на скользкую дорожку, попасть в сложные ситуации, возможные на основании молчания. Молчание может стать страшной пустыней со всем ее одиночеством и ужасом или раем самобытана, хотя одно и не лучше другого. Поэтому не надо ожидать от молчания чего-то иного, кроме простой встречи со Словом Божиим, ради которого ты и вступил в молчание. Но эта встреча даруется тебе. Христианин не ставит никаких условий, какой эта встреча должна быть в соответствии с его надеждой. Он

принимает ее такой, какая она есть, и за это молчание его будет вознаграждено.

Три вещи требуют от христианина четкого выделения и посвящения времени в течение дня: рассмотрение Писания, молитва, ходатайство за других. Чтобы выполнить эти три вещи, он должен найти в повседневности время для медитации. Не пугайтесь, ничего особенного в этом слове нет — это древнее церковное слово, слово Реформации.

Медитация

Можно было бы спросить, почему для этого необходимо особое время, когда мы уже в совместном богослужении все это исполняем.

Имейте в виду, что время медитации служит личному рассмотрению Писания, личной молитве и личной просьбе за других — без всякой иной цели. Здесь не место для духовных экспериментов. Но для этих трех вещей время должно быть найдено, ибо Сам Бог требует от нас этого. Достаточно уже того, что длительное время медитация означала не что иное, как нашу обязанность перед Богом совершать эту службу.

Время медитации не позволяет нам опускаться в пустоту и пропасть одиночества, оно дает нам возможность быть наедине со словом. Тем самым оно предоставляет нам прочное основание, на котором мы стоим, и ясное указание для тех шагов, которые нам необходимо совершать.

В то время как в совместном богослужении мы читаем длинный непрерывный текст, во время медитации с Писанием используется краткий избранный текст, не изменяющийся, может быть, в течение всей недели. Если совместное чтение Писания вводит нас во всю его обширность и целостность, то здесь речь идет о неизмеримой глубине каждого отдельного предложения и слова. Оба образа чтения одинаково необходи-

мы, чтобы мы «могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота» (Еф. 3:18).

Мы читаем во время медитации данный текст, указываящий на обстоятельство, чтобы он определил нам наше личное участие в сегодняшнем дне и наше состояние христианина; чтобы это было не только Слово Бога для общины, но и Его Слово лично мне. И мы занимаемся отдельным предложением или словом, пока оно не пройдет нас лично. При этом мы делаем то, что ежедневно делает самый простой, не слишком ученый христианин: мы читаем Слово Божье, предназначенное для нас.

Мы не спрашиваем себя, о чем бы сказал этот текст другим людям; для нас, проповедников, это означает, что мы не спрашиваем, как мы по тексту проповедовали бы или обучали бы; но мы спрашиваем себя, что он сообщил бы лично нам. Очевидно, нам было бы необходимо прежде всего самим понять содержание текста, но при этом мы занимаемся не толкованием текстов, не подготовкой проповеди, не изучением Библии, а ожиданием Слова Божьего для нас. Это не пустое ожидание, а ожидание исполнения обетования. Часто же мы настолько перегружены и захвачены иными мыслями, образами и заботами, что должно пройти какое-то время, прежде чем Слово Божье отодвинет все в сторону и дойдет до нас. Но случится это непременно, так же наверняка, как то, что Бог Сам пришел к людям и что Он намерен явиться снова. Именно потому мы и будем начинать свою медитацию молитвой о том, чтобы Бог послал нам Святого Духа через Свое Слово, чтобы открыл нам Слово и осветил нас.

Нет необходимости приступать к медитации через весь текст. Зачастую мы остановимся уже на одном предложении или даже на одном слове, поскольку оно будет нас удерживать, останавливать и не даст уклониться в сторону. Разве недостаточно бывает уже одного слова «Отец», «любовь», «милосердие»,

«крест», «освящение» или «воскресение», чтобы наполнить нашу медитацию сверх всякой меры?

Нет необходимости стараться мыслить и молиться вслух при медитации. Мышление и моление про себя, порожденное слушанием, зачастую могут быть гораздо плодотворнее.

Нет необходимости находить новые слова в медитации. Часто это отвлекает и удовлетворяет наше тщеславие. Совершенно достаточно будет, если слово, которое мы читаем и понимаем, проникнет и поселится внутри нас. Подобно тому, как Мария «слагала в сердце своем» слова пастухов; как слово какого-то человека нас часто преследует, в нас живет, работает, нас занимает, беспокоит или делает счастливыми, так и Слово Божье в медитации обязано войти в нас и остаться в нас, оно должно нас волновать, работать в нас, проявляться, не отпущать нас целый день — и тогда оно совершит в нас свою работу, которой мы порой даже не заметим.

И прежде всего нет необходимости совершать нечто неординарное, чрезвычайное. Это может случиться, но если не случилось, то вовсе не является признаком неудавшейся медитации. Не только в начале, но и в течение дня время от времени мы будем испытывать состояние внутренней опустошенности и равнодушия, нежелание, даже неспособность к медитации. Тогда нам нельзя заикливаться на таком состоянии.

И нам нельзя позволять этому состоянию сбить себя со стремления именно в такие времена с еще большим терпением и верностью заниматься медитацией. Нетерпением и самобичеванием мы поддерживаем только желание угодить себе и запутываемся все сильнее в тенетах самосозерцания. А для самосозерцания в медитации отводится так же мало времени, как и вообще в христианской жизни. Мы должны уделять время одному лишь Слову и все предоставлять его действительности. Разве не может быть, что Бог посылает нам часы пустоты и опустошенности, чтобы мы снова ожидали Его Слова? «Ищи Бога, а

не радости» — это правило всякой медитации. Если ищешь Одного лишь Бога, то применишь радость — таково обетование любой медитации.

Молитва

Рассмотрение Писания ведет к молитве. Мы уже говорили о том, что самым плодотворным путем к молитве будет отдать себя в ведение слова из Библии, моление на основе этого слова. Так мы не падем жертвой собственной пустоты. Молиться означает не что иное, как готовность к усвоению слова, причем лично для меня в моей ситуации, с моими особыми задачами, решениями, грехами и искушениями. То, что не может войти в молитву общины, не может прозвучать и здесь в молчании перед Богом. На основании слова из Библии молился мы о ясности нашего дня, о предохранении нас от греха, о росте в освящении, о верности и силе для нашей работы. И мы можем быть уверены в том, что молитва наша будет услышана, поскольку это происходит из Слова Божьего и Его обетования. Раз Слово Божье нашло свое исполнение в Иисусе Христе, то и все молитвы, которыми мы молились на основе Слова, Христом наполняются и будут услышаны.

Особой бедой медитации является то, что наши мысли часто рассеиваются и идут собственными путями, и обращаются к другим людям или к каким-то событиям нашей жизни. Как бы нас это снова и снова ни печалило и ни стыдило, нам все-таки нельзя становиться малодушными и пуливыми или приходить к мнению, что медитация — не для нас. Порой помогает то, что мы в таком положении не обрываем судорожно свои мысли, а совершенно спокойно вводим в молитву тех людей и те события, к которым наши мысли стремились, и, таким образом, возвращаемся к исходному пункту медитации.

Ходатайство

Как мы соединяем свою личную молитву со словом из текста, так же поступаем и в прошении за других. Невозможно вспоминать в совместном богослужении всех людей, которые нам доверены, или же поступать так, как от нас требуется. У каждого христианина есть свой круг людей, которые просят его молиться за них или в отношении которых он по каким-то причинам сам хочет помолиться. Но прежде всего это будут те, с кем он общается каждый день.

Тем самым мы слышим биение сердца совместного проживания христиан. Христианская община живет просьбами членов ее друг за друга — или ей суждено погибнуть. Брата, за которого я молюсь, даже если он способен навредить мне, я не смогу более ни осуждать, ни ненавидеть. Облик его, который был для меня, может быть, чужд и невыносим, превращается при молитве за него в облик брата, ради которого умер Христос, в облик помилованного грешника. Это является открытием открытием для христианина, начинающего молиться за других. Нет ни антипатии, ни личной напряженности, ни розни, которую нельзя было бы преодолеть просьбой за другого, которая касается нас. Просьба за другого является очищающим омовением; его должны проходить ежедневно каждый человек в отдельности и вся община. Это может стать трудной борьбой с братом в этой просьбе, но это обстоятельство ведет к цели.

Как это происходит? Просить за другого означает не что иное, как представлять брата перед Господом, видеть его под Христовым крестом как бедного человека или грешника, нуждающегося в милости. При этом пропадает все, что меня от него отталкивает, я вижу его во всей его нужде и беде, которые становятся для меня настолько огромными и подавляющими, как если бы они были моими собственными. И вот я уже не мо-

гу молиться иначе, чем: «Господи, возьми все в Свои руки, будь Ты Один в нем, в Твоей строгости и доброте». Просьба за другого означает «предоставлять брату точно такое же право, которое приняли мы сами», а именно: право стоять перед Христом и быть участником Его милосердия.

Становится ясно, что и просьба за другого является нашим долгом перед Богом и перед братом, долгом, который необходимо выполнять каждый день. Отказывающийся другому в просьбе за него отказывает ему в служении христианина. Так что понятно, что просьба за другого является делом не общего, неясного порядка, но делом совершенно конкретным. Речь идет об определенных людях, определенных трудностях и потому об определенных просьбах. Чем яснее мои просьбы, тем больше в них обстоятельство.

И, в конце концов, мы не можем закрыть глаза на то, что служение просьбой за другого требует от нас времени, и это складывается на каждого христианина, чаще всего на пастора, которому доверена вся община. Уже одна только правильно совершаемая просьба за других наполнила бы собою всю ежедневную медитацию. В этом для всех станет очевидно, что эта просьба является даром Божиим для каждой христианской общины и для каждого отдельного христианина. Поскольку нам предлагается нечто невероятно большое, мы воспримем это с радостью. Именно то время, которое мы уделяем просьбе за других, становится для нас ежедневно источником новой радости в Боге и радости христианского сообщества.

Поскольку при рассмотрении Писания, молитве и просьбе за других речь идет об обязательном для нас служении и поскольку в этом служении можно обрести милость Божию, мы должны тренироваться в том, чтобы находить для этого вполне определенное время дня, как мы это делаем в отношении любого другого служения, которое совершаем. Это не «предписание», но порядок и верность. Раннее утро окажется для боль-

шинства людей самым подходящим временем для этого. Право на такое время есть у нас и перед другими людьми, и мы должны выделять себе его как полностью спокойное время без помех. Для пастора это является непрременной обязанностью, от которой зависит все его служение. Кто же сможет быть верным в действительно больших вещах, если он не научился верности в вещах повседневных?

Проверка медитации

Каждый день оборачивается для христианина многими часами одиночества посреди нехристианского окружения. Но в это время можно себя зарекомендовать. Это *троба* на правильное время медитации и на истинное христианское единение. Послужило ли сообщество тому, чтобы воспитать своего члена свободным, сильным и самостоятельным, или же сделало его несамостоятельным и зависимым? Взяло ли оно его на некоторое время за руку, чтобы он снова научился делать самостоятельные шаги, или же сделало его боязливым и неуверенным? Это один из серьезнейших и труднейших вопросов к каждому христианскому жизненному сообществу.

И еще здесь решаются вопросы: время медитации вводит христианина в выдуманный мир, из которого он потом со страхом возвращается в земной мир своей работы, или в реальный божественный мир, из которого он приходит в свои будни укрепленным и очищенным? Перенесло оно его на краткие мгновения в состояние духовного опьянения, которое быстро исчезает при наступлении повседневности, или настолько глубоко и трезво вложило ему в сердце Слово Божье, что это поддерживает и укрепляет его весь день, ведет к деятельной любви, послушанию, добрым поступкам? Только будни могут дать ответ на это.

Является ли присутствие христианского сообщества действительностью и помощью для каждого отдельного члена? Поддерживает ли меня просьба других на протяжении дня? Является ли Слово Божье для меня утешением и силой? Или я злоупотребляю одиночеством во вред сообществу, Слову и молитве?

Каждому в отдельности необходимо знать, что час его одиночества обладает обратным воздействием и на сообщество. Будучи один, он может разрывать сообщество, а может укреплять и освящать его. Любое самовоспитание христианина служит и сообществу. И, наоборот, нет настолько личных, сокровенных мыслей, слов или поступков, которые не могли бы повредить всему сообществу. Болезненная субстанция попадает в тело, когда еще, может быть, никто и не знает, откуда, в каком из членов она таится, — но тело уже отравлено. Это образ христианского сообщества. Поскольку мы являемся членами одного Тела, и не только тогда, когда мы сами этого хотим, но и на протяжении всей жизни, постольку и служит каждый член всему телу — на здоровье или на погибель. И это не теория, а духовная действительность, о которой христианские сообщества узнают зачастую только при разрушении или наполнении счастьем.

Тот, кто возвращается после напряженного дня в христианское домашнее сообщество, принесит с собой благословение одиночества и сам снова принимает благословение сообщества. Благословлен тот, кто пребывает в одиночестве сообществом; благословлен и тот, кто поддерживает сообщество силой своей одиночества. Сила одиночества и сила сообщества являются лишь силой Слова Божьего, обращенной к каждому в отдельности в сообществе.

Глава 4

Служение

«Пришла же им мысль: кто бы из них был больше?» (Лк. 9:46). Мы знаем, кто сеет эту мысль в христианском сообществе. Но, может быть, мы не совсем осознаем, что не может сложиться никакое христианское сообщество без того, чтобы тут же не возникла эта мысль как семя раздора. Люди не успеют собраться, как сразу же начинают наблюдать друг за другом, судить друг друга, разбирать по косточкам. Тем самым уже при возникновении христианского сообщества начинается незримый, часто неосознанный, ужасный спор не на жизнь, а на смерть.

«Пришла же им мысль» — этого достаточно, чтобы разрушить сообщество.

Поэтому жизненно необходимой является для каждого христианского сообщества способность сразу увидеть и устранить этого опасного врага. Здесь нельзя терять время, ибо человек с первого мгновения встречи с другим человеком начинает искать боевую позицию, которую он может занять и защищать по отношению к другому. Есть люди сильные и слабые; одаренные иординарные, простые и сложные, набожные и менее набожные, «душа общества» и «сам по себе». Но разве неодаренный не может занять такую же позицию, как одаренный или сложный человек? Или, если я, скажем, не одарен, так, может быть, я набожен; а если я не набожен, тогда не намерен быть вообще никем? Разве не может «душа общества» в одно мгновение выиграть себе все и оставить ни с чем того, кто «сам по себе»? И разве не может этот «сам по себе» стать непримиримым врагом и окончательным победителем человека-«души общества»? Какой человек не находил бы с инстинктивной определенностью место, на котором он может стоять и себя защищать, которое он ни за что и никогда не уступит другому, за которое он будет бороться всем своим инстинктом самоутверждения?

Это все может происходить в цивилизованнейших и набожнейших формах, но все зависит от того, что христианское общество будет знать: совершенно определено «придет им мысль, кто из них есть больший». Это борьба естественного человека за самоудовлетворение. Ее он находит в сравнении с другим человеком, в суждении и осуждении другого. Самооправдание и суждение другого — части одного целого, как одним целым являются и оправдание из милости, и служение.

Служение типа «держат язык за зубами»

Мы боремся со своими скверными мыслями успешно, если просто-напросто не даем им права голоса. Как дух само-

правдания может быть преодолен лишь духом милости, так и отдельные верные мысли могут быть ограничены и задужены, если человек не даст им права выразить себя, исключая разве что признание греха, о котором мы поговорим позже. Кто держит свой язык в узде, тому повинуется и душа, и тело (см. Иак. 3:3-5). Таким образом, одним из важных правил христианского сообщества является то, что каждому в отдельности запрещены тайные суждения по поводу брата. А то, что здесь имеется в виду не добрый совет другому, ясно. Но непозволительным остается тайное слово по отношению к другому, в том числе и там, где оно преподносится якобы как помощь и благорасположение, ибо именно под этим прикрытием всегда будет вползать дух братоненавистничества, ищущий случая нанести ущерб.

В данной главе я не буду говорить об исключениях из этого правила. Какие исключения делать — определяет сам человек в каждом конкретном случае. Но главная мысль предельно ясна, ибо взята из Библии:

«Сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветнешь. Ты это делал, и Я молчал; ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои» (Пс. 49:20-21).

«Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата или судит брата своего, того злословит закон и судит закон; а если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья. Един Законодатель и Судья, могущий спасти и погубить: а ты кто, который судишь другого?» (Иак. 4:11-12).

«Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим» (Еф. 4:29).

Там, где язык причают к порядку с самого начала, там людей ждет замечательное открытие. Человек перестает непрерывно критиковать окружающих, судить и обвинять других. Он никогда не одернет человека, не выкажет ему своего

превосходства, не совершит насилия над его личностью. Он позволит брату своему быть совершенно свободной личностью, такой, какой сотворил его Бог. Поле зрения его расширяется, и, к своему удивлению, он впервые видит богатства творческой Божьей славы, разливающейся над братьями. Бог сделал этого человека вовсе не таким, каким сделали бы его вы. Он дал мне его в брата не для того, чтобы я командовал и помыкал им, но чтобы я увидел образ его Творца. И вот совершенно чужой человек, сотворенный в Божьей свободе, становится для вас источником радости, тогда как раньше был причиной вашей скорби и огорчений. Бог не желает, чтобы я перекраивал другого человека, подгонял его под тот образ, который нравится мне, т.е. подстраивал его под себя. Нет, Бог не зависит от меня, а потому и брата моего сотворил не по моему, а по Своему образу. Мне не дано предугадать, как проявится Божий образ в других людях. Образ Его проявляется всегда по-новому, всегда удивительно, ведь недаром Бог — вольный Творец. Вид другого человека может показаться мне странным, даже кощунственным. Но каждого человека Бог творит по образу Сына Своего, Христа распятого. Не казался ли мне странным Христов образ, пока я не пригляделся к нему и не понял его?

Сильные и слабые, мудрые и глупые, одаренные и бездарные, набожные и неверующие — все люди, живущие рядом со мной, больше не являются для меня объектами критики и осуждения (а ведь именно критикую других, мы стараемся оправдать себя!). Они становятся друг для друга причиной радости. Они служат друг другу. У каждого члена общины есть свое место, но это не место, где он самоутверждается, а место, где он имеет возможность служить другим.

В христианской общине все зависит от того, является ли каждый из ее членов незаменимым звеном в единой общей

цели. Цель только тогда будет прочна, когда любое, даже самое маленькое звено нельзя оторвать от других. Община, которая позволяет своим членам бездействовать, погибнет из-за них. А потому хорошо, когда у каждого члена церкви есть поручение. Тогда в часы сомнений он будет знать: он полезен, он незаменим. Христианской общине нужно понять: не только слабые нуждаются в сильных, но и сильные не могут существовать без слабых. Исключение слабых — смерть для общины.

Здесь не место приводить какие-нибудь ограничения одного из этих правил. В отношении их решение должно приниматься в каждом случае отдельно. Вопрос ясен и бедным, и незнатным, поскольку там, внизу, Бог нашел и его. «Не высокоумствуйте, но последуйте смиренным!» (Рим. 12:16).

Служение кротости

Кто намерен учиться служению, тому необходимо сначала научиться думать о себе самом как о чем-то незначительном. «Не думайте о себе более, нежели должно думать» (Рим. 12:3). «Хорошо знать самого себя и учиться думать о себе как о незначительном — это высшая и полезнейшая задача. Не стараться представлять себя чем-то особенным и постоянно быть добромого мнения о других есть великая мудрость и совершенство» (Томас а Кемпи). «Не мечтайте о себе» (Рим. 12:16).

Только тот, кто живет прощением своей вины через Иисуса Христа, может думать о себе действительно как о малом; он будет знать, что его земная мудрость совершенно закончилась, когда Христос его простил; он вспомнит о мудрости первых людей, которые хотели знать, что такое добро и зло, и из-за этой мудрости погибли. Но первым, рожденным на этой земле, был Каин, братоубийца. Бог это и есть плод человеческой мудрости. Так как христианин не может больше считать себя му-

дрым, он и свои планы и намерения станет считать незначительными. Но он будет готовиться к тому, чтобы считать волю ближнего более важной и неотложной, чем свою собственную. Разве не лучше служить ближнему, чем утверждать свою волю?

Но не только воля, но и честь другого человека важнее, чем своя собственная. «Как вы можете воровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите?» (Ин. 5:44). Стремление к собственной славе препятствует вере. Кто ищет собственной славы, тот уже не ищет Бога и ближнего своего. И если со мною приключится какая-нибудь несправедливость, разве не заслужил я перед Богом и более строгого наказания, если Бог поступит со мной по собственному милосердию? Разве не послужит на пользу и к смирению то, что я буду учиться молча и терпеливо выносить за свои грехи слишком малое наказание? «Терпеливый лучше высокомерного» (Екк. 7:8).

Живущий из оправдания милостью готов и к тому, чтобы принять оскорбления обиды без протеста, но из руки Божьей, наказывающей и милостивой. Недобрым знаком является, если человек не может слышать и выносить подобные вещи, даже не вспомнив о том, что и апостол Павел настаивал на своем праве римского гражданина и что отвечал Иисус тому, кто Его ударил: «Что ты бьешь меня?» (Ин. 18:23). Но в любом случае никто из нас не сможет в действительности поступать, как Иисус и апостол Павел, если он сначала не научится поступать так, как поступали они при обычных оскорблениях. Грех сверхчувствительности, так быстро расцветающий в сообществе, снова и снова демонстрирует, сколько ложного тщеславия и неверия еще живет в общине.

Не считать себя мудрым, не превозноситься перед другими, «считать себя большим грешником» — это сложно и тяжело как неверующему человеку, так и сознательному христианину. Это кажется неправдоподобным. Но, тем не менее, апостол

Павел сказал о себе, что он есть первый среди грешников (см. 1 Тим. 1:15), причем именно там, где он говорит о своей деятельности в качестве апостола. Если я полностью осознаю свой грех, я глубоко вникну в сущность этого взгляда. Если же мой грех кажется мне незначительным, не таким тяжелым, как грех другого, — тогда я вообще не распознал своего греха. Мой грех неизбежно является самым большим, самым тяжким и самым отвратительным. Ведь для грехов другого человека братская любовь находит множество извинений, и только моим грехам нет никакого снисхождения. Поэтому они и самые страшные. И именно в такую глубину покорности должен опуститься тот, кто намерен служить брату в сообществе. Иначе как же я смогу служить в нелицемерной покорности тому, чей грех мне кажется намного тяжелее моего? Разве не должен я в таком случае опутить свое превосходство над ним? Это было бы лицемерным служением. «Не верь, что ты продвинулся в деле освящения на один шаг, если ты не чувствуешь глубоко, что ты незначительнее, чем все остальные» (Томас а'Кемпи).

Каким же образом осуществляется братское служение в христианском сообществе? Сегодня мы способны быстро ответить, что «Единственно действительное служение ближним — это служение Словом Божиим». Это так и есть: никакое служение не может сравниться с ним, и любое иное служение направлено именно на служение Словом. Тем не менее жизнь христианского сообщества состоит не только из проповедования Слова.

Служение слушания

Первое служение ближнему состоит в том, чтобы слушать его. Как и любовь к Богу начинается с того, что человек слушает Его Слово, так и начало любви к брату — в том, что мы учимся его слушать. Божья любовь проявляется в том, что Он не

только дарует нам Свое Слово, но и обращает к нам Свой слух. И то, что мы совершаем по отношению к своему брату, когда учимся слушать его, — это Его дело. Христиане, особенно поведенники, зачастую думают, что они, всякий раз встречаясь с другими людьми, должны что-то «предлагать» — и это их единственное служение. Они забывают, что слушание может быть большим служением, чем говорение.

Многие люди хотят, чтобы их слушали, но не видят этого стремления у христиан, поскольку христиане говорят там, где должны были бы слушать. Но если кто-то не может слушать своего брата, тот скоро не будет слушать и Бога, он и перед Богом будет говорить только сам. Здесь начинается смерть духовной жизни, и в конце концов остается лишь духовная болтовня, выскомерное отношение к другим, перемежающееся набожными словами. Не умеющий долго и терпеливо выслушивать будет и говорить «мимо» своего собеседника, сам того не замечая. Тот, кто думает, что его время слишком драгоценно, чтобы тратить его на слушание, в действительности никогда не найдет времени ни для Бога, ни для брата. Его всегда будет интересовать только он сам, его собственные слова и планы.

Братская забота о душе существенно отличается от поведи тем, что при ней к поручению слова присоединяется поручение слушания. Ведь есть слушание и вполуха, когда человек убежден, что уже и так знает все, что скажет другой. В такой ситуации слушающий нетерпелив, невнимателен к говорящему брату, презирает его и ждет только того, чтобы самому наконец начать говорить и избавиться таким образом от собеседника. Это не является исполнением Поручения, поскольку в таком отношении к брату отражается, как в зеркале, отношение к Богу. Ничего нет удивительного в том, что мы становимся неспособными осуществлять высшее служение слушанием, какое Бог нам поручил, а именно: слушанием во время исповеди, если мы и в меньших вещах не в состоянии внимать брату.

Современный языческий мир понял сегодня, что зачастую мощь человеку может быть оказана лишь тем, что его кто-то будет внимательно слушать, и на этом познании построил собственную внецерковную духовную службу, куда устремляется поток людей, в том числе и христиан. Христиане же забыли, что им дано поручение слушать, дано Тем, Кто Сам является великим Слушателем и в деле Которого мы призваны принять участие. Мы должны слушать Божьим слухом, чтобы быть в состоянии говорить Божьими словами.

Служение помощи

Другое служение, которое в христианском сообществе один должен оказывать другому, — действенная готовность к помощи. При этом речь идет в первую очередь о простой помощи в малых внешних делах, каким нет числа в жизни каждого сообщества. И нет настолько малого дела, в котором христианин счел бы себя недостойным помочь. Если кто-то жалеет времени на оказание самой малой помощи, значит, он чрезмерно высоко оценивает свою собственную работу.

Нам необходимо быть готовыми к тому, что Бог будет нас поправлять. Он будет снова и снова, возможно, ежедневно перекрывать наши пути и планы, посылая нас к людям, чтобы обратить внимание на их претензии и просьбы. Мы можем тогда пройти мимо них, занятые своими повседневными делами, как тот священник, который прошел мимо человека, ограбленного разбойниками; пройдем, может быть, читая Библию. Тогда мы не обратим внимания на знак креста, установленного в нашей жизни, который призван указывать нам на то, что важен не наш путь, а Божий. Странно, что именно христиане и теологи часто считают свою деятельность настолько важной и неотложной, что не позволяют отвлекать себя от нее. Они думают, что тем самым служат Богу, и презирают при этом «кривой и все-таки прямой

путь» Божий (Готтфрид Арнольд). Они не хотят ничего знать о перекрестках на человеческом пути. Но вот это как раз и является школой покорности, пройдя которую, мы не поощрим себя там, где можем совершать служение, и будем распорядиться своим временем не по собственному разумению, а по распоряжению Бога.

В монастыре в обете покорности монахи перед настоятелем отказываются от права распорядиться своим временем. В евангельском жизненном сообществе свободное служение перед братом приравнивается к обету. Только там, где мы не щадим себя для повседневной помощи в деле любви и милосердия, — только там может радостно и правдоподобно проповедоваться Слово любви и милосердия Божьего.

Служение несения бремени

Третье служение, о котором мы ведем речь, состоит в том, чтобы выносить другого человека. «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2). Так что закон Христов есть закон вынесения; вынесение есть страдание. Брат именно для христианина является тяготой. А язычнику другой человек вовсе не в тягость: он просто не обращает на него внимания.

Христианин же должен выносить брата своего. Только в качестве тяготы, а не объекта для господства, другой человек является братом. Бремя людей было настолько тяжелым даже для Бога, что Он пошел на крест по этой причине. Бог поистине выстрадал людей в Теле Христовом. Но именно таким образом Он понес их, как мать выносит дитя свое, как пастырь несет найденного ягненка. Бог принял людей, но они пригнули Его к земле, и, тем не менее, Он остался рядом с ними, а они с Ним. Через страдание людей Бог поддержал Своё сообщество с ними. Законом Христовым является то, что произошло на кресте.

Христиане должны исполнять этот закон. Они обязаны вынести и выстрадать отношения с братом, но, что еще важнее, они *могут* выносить брата под исполненным законом Христа.

Очень часто Писание говорит о «вынесении»: «но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни.. наказание мира нашего было на Нем» (Ис. 53). Поэтому Писание может обозначить жизнь христианина как «несение креста». То, что здесь осуществляется, является сообществом Тела Христова. Это сообщество креста, в котором каждый человек должен познать тяготу другого. Если же кто-то не познал этой тяготы, то это не христианское сообщество. А если верующий отказывается эту тяготу нести, то тем самым предаёт закон Христа.

Тяготой для христианина является прежде всего *свобода* другого человека, о которой мы уже говорили. Она направлена против его чувства собственного величия, но, тем не менее, он должен ее признать. Он мог бы избавиться от этого бремени, если бы не предоставил другому человеку свободу, а подверг бы его насилию, навязав ему свой образ. Если же христианин понимает, что Бог создал Свой образ в том человеке, то тем самым он допускает его свободу, неся тяжесть этой свободы. В свободу входит все то, что мы понимаем под сущностью, своеобразием, предрасположенностью другого человека; все слабости и странности, которые стоят нам столько терпения; все, что вызывает эти трения, противоречия и столкновения между людьми. Выносить тяготу другого означает «выносить сотворенную действительность другого человека», утверждать ее и поднимать до радости от нее.

Особенно тяжело это там, где сильный и слабый в вере объединены в одном сообществе. Слабый не должен судить сильного, а сильный — презирать слабого. Слабый пусть остерегается высокомерия, а сильный бежит от равнодушия, и ни один из вас пусть не ищет собственной правоты. Если пал сильный, слабый не должен злорадствовать, а если пал сла-

бий, то пусть сильный с любовью поможет ему подняться. Одному нужно столько же терпения, сколько и другому. «Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его» (Екк. 4:10). А ведь Писание и говорит об этом вынесении другого человека в его свободе, предупреждая: «Снисходя друг другу» (Кол. 3:13); «Со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью» (Еф. 4:2).

К свободе другого человека добавляется еще и злоупотребление ею во грехе, когда грех другого становится для христианина тяготой. Грех брата еще труднее вынести, чем его свободу, поскольку во грехе разрывается общение с Богом и братом. Здесь терпит крах сообщество с другим человеком, предначертанное Иисусом Христом. Но именно здесь и открывается великая милость Бога во всем ее величии. Не презирать грешника, но быть достойным выносить его означает не дать ему пропасть, а принять его, сохранить его для сообщества через прощение его греха. «Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы духовные исправляйте такового в духе кротости» (Гал. 6:1). Как Христос выносил и принимал нас, грешников, так и нам нужно выносить в сообществе с Ним грешников, принимая их в сообщество Иисуса Христа через прощение грехов.

Нам дано выстрадать грехи брата, нам нельзя его судить. Это является милостью для христианина, потому что каждый грех, случившийся в сообществе, призывает каждого проверить себя и обвинить себя в собственной неверности в молитве и в просьбе за другого, в недостаточности своего братского служения, братской поддержки и утешения или в собственном грехе, собственной духовной слабости, которыми он навредил себе самому, нанес ущерб сообществу и братьям.

Каждый грех конкретного человека оборачивается бременем и осуждением для всей общины, которая должна выносить этот грех и прощать его. «Как ты выносишь других, так и

они выносят тебя, так и все дела являют общими — добрые и плохие» (Лютер).

Каждый день человеку приходится прощать другого. Это происходит без слов в молитве-ходатайстве за другого; каждому члену сообщества, который не утомился в этом служении, можно рассчитывать на то, что это служение совершается и братьями в отношении его самого. Кто сам выносит других, знает, что и его выносят, и только на основе этого знания он сам может выносить.

Там, где верно совершается служение слушания, действительной помощи другому, там может совершаться и последнее, наивысшее служение — служение Словом Божиим.

Служение провозглашения

Речь здесь идет о свободном, не привязанном к сану, времени и месту слове одного человека к другому, об уникальной ситуации, когда один человек словами проявляет по отношению к другому все утешение, увещание, доброгу и серьезность Бога. Но если этому слову не предшествовало истинное слушание, то как тогда оно может стать действительно истинным словом, направленным к другому человеку? Если оно находится в противоречии с действительной готовностью к помощи, то как ему превратиться в достойной готовности к помощи? Если оно порождается не способностью выносить другого, а нетерпением и духом насилия, то как ему быть освобождающим и излечивающим словом?

И, наоборот, уста немоют именно там, где человек действительно слушал, служил и выносил. Глубокое недоверие ко всему, что есть слово, зачастую не дает высказать собственное слово к брату. Разве может помочь другому человеку бессознательное человеческое слово? Неужели нам еще нужно множить пустое говорение? Неужели нам, подобно духовным ловкачам,

необходимо забалтывать действительную нужду другого человека? Что может быть опаснее, чем сверхмерное говорение Словом Божиим? И опять-таки, кому хотелось бы нести ответственность за то, что он молчал там, где должен был говорить? Возможно, отточенное слово с церковной кафедры прозвучит легче, чем слово совершенно свободное, порождаемое где-то между обязанностью говорить и обязанностью молчать?

К боязни собственной ответственности произносить слово присоединяется еще и боязнь другого человека. Каких трудов стоит порою произнести слово во имя Иисуса Христа даже перед одним братом! Кому дано вникнуть в своего ближнего? Кто может встретить ближнего, остановить его, обратиться к нему без обиняков? Попросту говоря, у каждого есть право на это, даже обязанность. Дух насилия над другим мог бы и здесь пустить свои корни самым скверным образом. Ведь у другого человека есть свои права, своя ответственность и своя обязанность — защищаться от непозволительных вторжений другого лица. У другого человека есть и свои секреты, к которым нельзя прикасаться, чтобы не нанести вреда, которые нельзя публично обсуждать во избежание настоящего разрыва. Это не секреты знания или чувствования, это секреты его свободы, его освобождения, его существования. «Разве я сторож брату моему?» — говорил братоубийца Каин. Очевидно, духовно обособившее признание свободы другого человека должно стоять под проклятием божественного Слова: «Я възвщу кровь его от рук твоих» (Иез. 3:18).

Там, где христиане живут сообща, когда-нибудь должно случиться так, что один лично другому засвидетельствует Слово и волю Божию, по-братски будет вести речь о вещах, которые для каждого в отдельности являются наиважнейшими. Не по-христиански отказывать другому в решающем служении. Если же мы не хотим говорить слово брату, нам нужно себя проверить: видим ли мы человеческое достоинство своего брата, не

забываем ли о том, что и он, каким бы пожилым, высокопоставленным и опытным ни был, является таким же человеком, как и мы, что и он как грешник взывает к Богу; что и у него, подобно нам, есть своя большая беда; что и он, как и мы, нуждается в помощи, утешении и прощении.

Это является основой, на которой христиане могут говорить друг с другом, чтобы один видел: если он не окажет помощи грешнику, тот будет покинут и потерян в своей человеческой жизни. Это не означает, что христианин презирает и толчет честь другого человека; скорее, именно здесь оказывается действительная помощь другому: когда он, хоть и грешник, имеет право принять участие в Божьей милости и славе, поскольку он тоже дитя Божье. Познавание этого придает братскому слову необходимую свободу и открытость. Мы обращаемся друг к другу с помощью, в которой нуждаемся оба. Мы помогаем друг другу идти путем, по которому нас призывает идти Христос. Мы предостерегаем друг друга от непокорности, которая является нашей погубелью. Мы мягки и одновременно тверды в отношениях с другими, поскольку все знаем о Божьей доброте и серьезности. Так зачем же нам страшиться друг друга, если нам необходимо бояться только Бога? Почему мы должны считать, что брат нас не поймет, если мы сами так хорошо поняли, когда он донес до нас Божье утешение или Божье предупреждение? Разве есть хотя бы один человек, который не нуждается ни в утешении, ни в предупреждении? Зачем же тогда Бог даровал нам христианское братство?

Чем больше мы будем учиться покорно и благодарно принимать от других обращенное к нам слово, в том числе и жесткие упрёки, и предупреждения, тем свободнее и деловитее мы будем становиться в собственном слове. Кто в раздражении и тщеславии сам отвергает серьезное братское слово, тот не сможет и другому сказать истину, поскольку побойтся, что будет отвергнут. Сверхчувствительный человек всегда будет обращаться в заиски-

вающего и тем самым презирающего и предающего своего брата. А вот покорный верующий одновременно остается и в истине, и в любви. Он остается в Слове Божьем и позволяет ему вести себя к брату. Поскольку он ничего не ищет и не страшится, он может через слово помочь другому человеку.

Там, где брат впадает в откровенный грех, необходимо поправить его, поскольку так велит Слово Божье. Там, где отход от слова в учении или в жизни угрожает домашнему сообществу или общине, нужно применять предупреждающее и наказующее слово. Нет ничего ужаснее той мягкости, которая оставляет другого человека наедине с его грехом. Нет ничего оставшееся, чем жесткое увещевание, которое призывает брата сойти с пути греха. Это и есть служение милосердия, последнее предложение настоящего сообщества, когда мы предоставляем только Слову Божьему помогать или осуждать нас. И не мы тогда судим, но Бог, а Божий суд помогает и излечивает. До последнего мгновения мы можем только служить брату, ни в коем случае не возносясь над ним. Мы служим ему и тогда, когданосим осуждающее и разделяющее Слово Божье, и тогда, когда в покорности перед Богом отказываемся от сообщества с ним.

Мы ведь знаем, что это действует не наша человеческая любовь, которой мы соблюдаем верность перед другим человеком, а Божья любовь, которая проникает к людям лишь через суд. Когда Слово Божье осуждает, оно служит самим людям. Если кто-то признает, что заслуживает Божий суд, значит, оказанная ему помощь не была напрасной. Именно здесь проявляются результаты человеческого воздействия на брата: «Человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него. Дорога цена искупления души их, и не будет того век» (Пс. 48:8-9).

Этот отказ от собственных способностей и является предпосылкой и подтверждением спасительной помощи, которую только Слово Божье может предоставить брату. Не в наших

руках пути брата, мы не в состоянии удержать то, что должно разрушиться, или заставить жить того, кто хочет умереть. Но Бог связует и разрушающееся, Он же создает сообщество в разделении, Он дарует милость через суд. А Его Слово вложено в наши уста. Он намерен произнести его через нас. Если мы преподнесем Его Слово — на нас будет грех брата. Если мы передаем Его Слово — Бог через нас спасает брата нашего. «Пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак. 5:20).

Служение авторитета

«А кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою» (Мк. 10:43). Иисус весь авторитет сообщества поставил в зависимость от братского служения. Настоящий духовный авторитет есть только там, где есть стремление исполнить служение слушания, помощи, вынесения и провозглашения. Любкой культуре личности другого человека в силу его выдающихся способностей, одаренности — даже если они вполне духовной природы — является мирским явлением и не должен устанавливаться в христианской общине; он попросту отравит существование ее членов. Так частое сегодня стремление к «епископскому творчеству», к «проповедническому характеру человека», к «обладающей полномочиями личности» соответствует болезненной духовной потребности в восхищении человеком, в создании видимого авторитета этого человека, и тогда истинный авторитет служения кажется слишком незначительным. Ничто не противоречит такому стремлению острее, чем Новый Завет, где идет речь о епископе (см. 1 Тим. 3:1).

Здесь не найти и следа магии человеческой одаренности, блестящих способностей духовной личности. Епископ — это простой, здоровый и верный в вере и в жизни мужчина, праведно исполняющий в общине свое служение. Его авторитет зави-

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

СИТ ОТ ВЫПОЛНЕНИЯ ИМ СЛУЖЕНИЯ. А как в человеке в нем нет ничего достойного изумления. По-настоящему авторитетный человек знает, что он в строжайшем смысле привязан к Слову Христа: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, вы же все — братья» (Мф. 23:8). Общине нужны не блестящие личности, а верные служители Иисуса и братьев. Община будет доверять только тем простым служителям Христова Слова, которых ведет не человеческая мудрость и всезнание, а слова доброго Пастыря.

Духовный вопрос о доверии, находящийся в тесной связи с вопросом авторитета, решается с учетом верности, с которой человек пребывает в служении Иисусу Христу, но никогда не берется в расчет одаренность, которой он обладает. В заботе о душах достигнуть авторитета может только тот служитель Иисуса, который не ищет собственного авторитета; который сам, склоняясь перед авторитетом Слова, является братом среди братьев.

Глава 5

Исповедь и Святое причастие

«Признавайтесь друг перед другом в проступках» (Иак. 5:16). Тот, кто остается один на один со своим злом, вообще остается в одиночестве. Может случиться, что христиане, вопреки совместному богослужению, совместной молитве, всему единению в служении, остаются в одиночестве. И это происходит потому, что набожное сообщество никому не позволяет быть грешником. Поэтому каждому приходится скрывать свой грех и перед собой самим, и перед сообществом. Неопишуемым был бы ужас многих христиан, если бы вдруг открылось, что среди них попался грешник. Поэтому и остаемся мы один на

один со своим грехом, во лжи и лицемерии, стараясь забыть, что мы все-таки *действительно* грешники.

Но милость Евангелия заключается именно в том, что так трудно понять набожным, что выставляет нас в истине и говорит нам: «Ты есть грешник, великий неиставимый грешник, так вот и приходи как грешник, каковым ты являешься, к Богу твою, Который тебя все-таки любит. Он любит тебя таким, какой ты есть, Ему не нужна от тебя жертва деяний, Ему нужен только ты сам». «Сын мой! Отдай сердце твое мне!» (Пр. 23:26). К тебе пришел Бог, чтобы спасти тебя, грешника. Радуйся же! Это по-своему является освобождением через истину. Перед Богом ты не можешь спрятаться. Перед Ним не поможет и маска, которую ты носишь перед людьми. Он хочет видеть тебя таким, какой ты есть, и Он намерен быть милостивым к тебе. Тебе не нужно больше обманывать себя самого и брата твоего, как если бы ты был без греха; тебе позволено быть грешником, и благодари Бога за это, ибо Он любит грешника, но ненавидит грех.

Христос стал нашим Братом во плоти, чтобы мы Ему поверили. В Нем к грешникам пришла любовь Божья. Перед Ним люди могут быть грешниками, и только так Он может им помочь. Перед Христом заканчивается все притворство. Ничтожество грешника и милосердие Божье — это было истинной Евангелия Иисуса Христа. В этой истине и должна жить Его община. Поэтому дал Он Своим последователям полномочие выслушивать признание в грехах и прощать грех во имя Его. «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:23).

Поэтому общину, а в ней и нашего брата создал Христос нам в милость. Брат для нас предстает вместо Христа, и перед ним мне не нужно больше лицемерить. Во всем мире перед ним одним я могу быть грешником, каковым и являюсь; ибо здесь правит истина Христова и Его милосердие. Христос стал нашим Братом, чтобы нам помочь, и через Него брат наш стал для

нас Христом в полномочии Его поручения. Брат предстает перед нами как знак истины и милости Господней. Он дан нам в помощь. Вместо Христа он слушает наше признание в грехах и прощает нам вместо Христа наши грехи. Он сохраняет тайну нашей исповеди, как ее сохраняет Бог. Идя на братскую исповедь, я иду к Богу.

Так звучит в христианском сообществе призыв к братской исповеди и прощению — как к величайшей милости Бога в отношении общины.

Прорыв к единению

В исповеди происходит прорыв к единению. Грех же должен оставаться с человеком один на один. А исповедь лишает его сообщества. Чем более одиноким становится человек, тем страшнее одиночество. Грех боится света, так как хочет оставаться незнанным. Во тьме невыказанного он отравляет все человеческое существо. Это может происходить и прямо в небожном сообществе. Во время исповеди во тьму и закрытость сердца прорывается свет Евангелия — и выставляет грех напоказ. Невыказанное производится открыто, становится известным. На свет дневной вытаскивается все тайное и скрытое. Это оборачивается тяжелой борьбой, пока человек вслух не признается в грехе. Но Бог разламывает железные двери и стальные заперты (см. Пс. 105:16).

Когда признание грехов происходит в присутствии брата-христианина, рушится последняя твердыня самооправдания. Грешник сдаётся, он отказывается от своего зла, отдаёт свое сердце Богу и находит прощение всех своих грехов в единении с Иисусом Христом и своими братьями. Выказанный, признанный грех теряет всю власть над человеком. Он выставлен на обозрение и осужден именно как грех. Он не способен больше разрушать сообщество — теперь все сообщество несет

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

грех брата, который уже не один на один со своим злом, но «сбросил» свое зло в исповеди, отдал его Богу. Грех с него снят. И вот стоит он в сообществе как грешник, живущий благодаря милости Божьей во кресте Иисуса Христа, и уже может радоваться милости Божьей. Он может признать свой грех и именно после этого обрести доверие сообщества. Скрытый грех отделил его от сообщества, а открытый им грех помог ему прийти к истинному сообществу с братьями в Иисусе Христе.

Здесь речь идет об исповеди между двумя христианами. Чтобы обрести единение со всей общиной, не нужно признавать грехов перед всеми прихожанами. В одном брате, которому я признаюсь в своих грехах и который мне мой грех простит, представлена передо мною вся община. В единении, которое я обретаю в брате, мне даруется единение уже со всей общиной. Ведь в ней никто не делает чего-то по своему собственному поручению и собственному полномочию. Все делается по Христову поручению, которое касается всей общины и выполнять которое призван каждый в отдельности. Если христианин вступил в сообщество братской исповеди, то больше он нигде не будет одиноким.

Прорыв к кресту

В исповеди происходит прорыв к кресту. Корень всякого зла есть гордыня: «Я хочу быть сам для себя, у меня есть право на себя самого, на свою жизнь и на свою смерть». Дух и плоть человеческие воспалены гордыней, ибо человек именно в своих злых делах хочет быть как Бог. Исповедь перед братом есть глубочайшее смирение, она приходит с болью и наносит чудовищный удар по гордыне. Предстать перед братом в качестве грешника — такой позор почти невыносим. В признании конкретных грехов, корчась от стыда, перед глазами брата умирает ветхий человек. И, поскольку унижение так тяжело, мы снова и

ИСПОВЕДЬ И СВЯТОЕ ПРИЧАСТИЕ

снова стараемся уклониться от исповеди перед братом. Наши глаза настолько ослеплены, что не видят больше обетования и возвышенности такого унижения.

И никто иной, как Сам Иисус Христос, вместо нас пришедший перед глазами всех позорную смерть, не стыдившийся быть распятым за нас; и ничто иное, как наше сообщество с Иисусом Христом, вводит нас в позорное умирание во время исповеди, чтобы мы поистине стали соучастниками Его креста. Крест Христов уничтожает всяческую гордыню. Мы не сможем найти его, если будем бояться идти туда, где можно его найти, т.е. в публичном раскаянии грешника; и мы будем отказываться нести крест, если будем стыдиться принять на себя позорную смерть грешника в исповеди. В исповеди мы прорываемся к истинному сообществу креста Христова, утверждаем свой крест. В глубокой духовно-телесной боли унижения перед братом, как перед Богом, познаем мы крест Христов в качестве своего спасения и избавления. Ветхий человек умирает, но над ним победу одержал Бог. И вот мы обретаем соучастие в воскресении Христовом и в вечной жизни.

Прорыв к новой жизни

В исповеди происходит прорыв к новой жизни. Где грех ненавидит, признают и прощают — там происходит разрыв с прошлым. «Презжее прошло». Где произошел разрыв со грехом, там происходит обращение. «Теперь все новое» (2 Кор. 5:17). Христос положил в нас новое начало.

Как первые ученики оставили все по призыву Христову и пошли за Ним, так и в исповеди христианин оставляет все и начинает следовать за Богом. Исповедь есть следование. Начинается жизнь с Иисусом Христом и Его общиной. «Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован» (Пр. 28:13). В

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

исповеди христианин начинает оставлять свой грех. Власть греха прервана. И отныне христианин добивается одной победы за другой.

Что произошло с нами в крещении, то же вновь даруется нам в исповеди. Мы спасены из мрака в Царство Иисуса Христа. Это радостное послание. Исповедь является обновлением крещенской радости. «Вечером водворяется плач, а на утро радость» (Пс. 29:6).

Прорыв к уверенности

В исповеди происходит прорыв к уверенности. В чем причина того, что нам зачастую легче дается признание грехов перед Богом, чем перед братом? Бог свят и безгрешен, Он единственный Судия над злом и враг всякой непокорности. Брат же грешен, как и мы, он знает по своему опыту тайный грех. Но все должно быть наоборот. Мы обязаны считать путь к брату более легким, чем к святому Богу. Если же это не так, необходимо спросить себя: не обманываем ли мы себя порою в признании грехов перед Богом, не было ли это больше признанием грехов перед самим собой и не простили ли мы сами себе? Не в этом ли кроется причина бесчисленных рецидивов и нашего бессилия в вопросе христианского смирения? Самопрощение никогда не победит грех, это может сделать лишь осуждающее и милующее Слово Бога.

Уверенность в том, что мы в исповеди и прощении своих грехов имеем дело не с самими собой, но с Богом живым, дарует нам Бог через брата. Брат разрывает сети самообмана. Кто признает свои грехи перед братом, тот знает, что имеет дело уже не с самим собой, он распознает в другом человеке присутствие Бога. Сколько бы я ни признавал свои грехи перед самим собой, все будет оставаться в темноте, перед братом же грех принужден выйти на свет дневной. И пусть лучше это случится

ИСПОВЕДЬ И СВЯТОЕ ПРИЧАСТИЕ

сегодня между мной и братом, чем в самый последний день в ожидании Страшного суда. И то, что нам дано признать свои грехи перед братом, — это великая милость, это избавление от ужаса в день Страшного суда.

Мой брат дан мне для того, чтобы через него я уже здесь достиг действительности Божьей в Его суде и Его милости. Признание своих грехов перед братом избавляет меня от самообмана, и мне дается совершенная уверенность в прощении, когда его произносит брат по поручению и во имя Бога. Ради уверенности в божественном прощении даруется нам братская исповедь.

И ради этой уверенности в исповеди говорится именно о признании *конкретных* грехов. Признаниями грехов «вообще» люди обычно сами себя оправдывают. О совершенной потереянности и испорченности человеческой сущности я узнаю на основании своих определенных грехов. Проверка своего сердца на соответствие всем десяти заповедям становится, таким образом, верной подготовкой к исповеди, иначе может получиться, что я и в братской исповеди стану лицемером и тогда мне не будет никакого утешения. Иисус имел дело с грешниками, грех которых был налицо, — с мытарями и блудницами. Они знали, за что им необходимо прощение, и они принимали это прощение своих грехов. Слеплого Вартимея Иисус спросил: «Чего ты хочешь от Меня?» На этот вопрос мы перед исповедью должны иметь ясный ответ. Ведь и мы принимаем во время исповеди прощение определенных грехов, которые здесь выйдут на свет, и прощение всех наших грехов, распознанных и нераспознанных.

Должно ли это означать, что братская исповедь является божественным законом? Исповедь законом не является, это предложение божественной помощи грешнику. Может случиться, что кто-то пробьется и без братской исповеди к уверенности, к новой жизни, к кресту и к сообществу через милость

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

Божью. Может быть, он никогда не познает сомнения в прощении и в своем признании грехов, и ему в его одинокой исповеди Богом будет даровано все. Мы же здесь ведем речь о тех, кто не может сам себе признаваться в своих грехах. Сам Лютер относился к тем, кто уже не мог представить себе христианской жизни без братской исповеди. В Большом Катехизисе он сказал: «Поэтому, когда я увещаю к исповеди, увещаю я и к тому, чтобы быть христианином». Тем, кто, вопреки всем поискам и стараниям, не могут найти великой радости сообщества, креста, новой жизни и уверенности, должно быть дано божественное предложение, которое мы находим в братской исповеди. Исповедь входит в число свобод христианина. Но кто намерен отказываться без ущерба для себя от помощи, которую Бог считает нужным предложить?

Кому исповедоваться?

Перед кем мы должны исповедоваться? По обетованию Христову, каждый брат-христианин призван выслушивать исповедь другого. Но поймет ли он нас? Не стоит ли он на самом деле настолько высоко в своей христианской жизни, что без понимания отвернется именно от нашего личного греха?

Тот, кто живет под крестом Иисуса, кто распознал в Его кресте глубочайшее безбожие всех людей и собственного сердца, для того нет «чужих» грехов; кто однажды ужаснулся мерзости собственного греха, который и Иисус привоздил к кресту, тот не ужаснется и самым тяжким грехам своего брата. Такой христианин узнает человеческое сердце на основании креста Христова. Он понимает, насколько безнадежно потеряно оно во грехе и слабостях и заблудилось на пути греха. Но он также знает, что принимается оно в милости и милосердии. Только брат со своим крестом может слушать мою исповедь.

ИСПОВЕДЬ И СВЯТОЕ ПРИЧАСТИЕ

Слушателем исповеди делает не жизненный опыт, а опыт жизни под крестом. Умудренный знаток людей знает о человеческом сердце несравненно меньше, чем самый простой христианин, который живет под крестом Христовым. Величайшие психологические воззрения, одаренность и опыт попросту не способны постичь одного: что есть грех. Он знают о нужде, слабостях и неудачах, но не ведают человеческого безбожия. Поэтому они и не знают, что человек идет на дно лишь из-за своего греха и что единственно через прощение его может быть спасен. Об этом знает только христианин. Перед психологом мне можно быть только больным, а перед братом-христианином мне можно быть и грешником. Психологу необходимо сначала исследовать мое сердце, но он так и не находит самого дна; а брат-христианин знает: «Ко мне пришел такой же грешник, как и я сам, он хочет исповедоваться и стремится к божественному прощению». Психолог смотрит на меня так, как будто не было вообще никакого Бога; а брат видит меня перед осуждающим и милосердным Богом в кресте Иисуса Христа. И если мы бываем настолько бедны и неспособны к братской исповеди, то в этом виноват не дефицит психологических знаний, а дефицит любви к Христу распятому.

В ежедневном серьезном обхождении с крестом Христовым верующего покидает дух человеческого осуждения и слабого снисхождения, и принимает дух божественной серьезности и божественной любви. Смерть грешника перед Богом и жизнь из смерти через милость становятся для него повседневной реальностью. Так начинает он любить брата милосердной любовью Бога, которая ведет грешника через смерть к жизни в качестве чада Божьего. Кто может выслушивать нашу исповедь? Тот, кто сам живет под крестом. Где живо Слово Бога, там и место братской исповеди.

Две опасности

Христианское сообщество, совершающее исповеди, должно беречь себя от двух опасностей.

Первая касается того, кто исповедь выслушивает. Хорошо, если один слушает исповеди всех остальных. Очень легко перегрузить кого-то одного, для него исповедь станет пустым действием, и на основании этого возникнет нездоровое злоупотребление исповедью для претворения духовного на сильного господства над душами. Чтобы не подвергать исповедь этой чрезвычайной опасности, тот, кто слушает исповеди других, должен прежде исповедоваться сам. Только смиренный сможет выслушать исповедь брата без ущерба для себя.

Вторая опасность касается исповедующегося. Да сохранил он свою душу ради ее же блага от превращения исповеди в набожное занятие. Ибо в таком случае станет она самым отглаголивающим, неизлечимым, нецеломудренным выворачиванием сердца, она станет сладострастной болтовней. Исповедь в качестве набожного занятия является сатанинской мыслью. Только стремясь к предложению Божьей милости, помощи и прощения, мы можем позволить себе спуститься в пропасть исповеди, только ради обетования прощения грехов мы можем исповедоваться. Исповедь как занятие является духовной смертью, исповедь в соответствии с обетованием — жизнью. Одно лишь прощение грехов является основанием и целью исповеди.

Радость Святого причастия

Поскольку исповедь является закрытым действием во имя Иисуса Христа, совершающимся в сообществе по мере необходимости, то в христианском сообществе она является частью особенной подготовки совместного празднования Святого причастия. Примиренные с Богом и людьми, христиане наме-

реваются принять Тело и Кровь Христовы. Это является заповедью Христа: никто не должен выходить к алтарю, не примирившись в сердце с братом. Если эта заповедь касается каждого бо-гослужения, каждой молитвы, то насколько же это верно для осуществления таинства!

В день перед совместным Святым причастием братья христианского сообщества будут находиться друг с другом, один будет просить у другого прощения за совершенную несправедливость. Никто не может идти к столу Господню, если он чужается подойти к брату. Весь гнев, споры, зависть, злые разговоры и неблагоприятные поступки должны быть устранены, если братья намерены принять вместе милость Божью в таинстве. Но желание получить прощение брата еще не является исповедью, а однозначное обетование Христа касается только исповеди.

Однако подготовка к Святому причастию будет вызывать в каждом брате желание быть уверенным в прощении определенных грехов, которые его страшат и мучают и о которых знает только Бог. Ответом на это стремление становится предложение братской исповеди и прощения грехов. Там, где собственный грех привел к беде и страху, где нужна уверенность в прощении, там звучит приглашение к братской исповеди во имя Иисуса Христа. То, за что Иисуса обвинили в богохульстве, а именно: прощение Им грехов, теперь происходит в христианском сообществе силою Иисуса Христа. Один во имя Иисуса Троидного Бога прощает другому все грехи его, и среди ангелов в небесах царит радость о прощенном грешнике. Так время подготовки к Святому причастию наполняется братским увещанием, утешением, молитвами, страхом и радостью.

День Святого причастия является для христианского сообщества днем радости. В сердцах примиренная с Богом и братьями община принимает дар Тела и Крови Иисуса Христа, а с ним и прощение, новую жизнь и спасение. Ей даруется но-

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

вое сообщество с Богом и людьми. Сообщество Святого причастия является исполнением христианского сообщества вообще. Как члены общины объединяются в Тело и Крови Господней у стола Его, так они будут пребывать вместе и в вечности. Здесь сообщество достигает своей цели. Здесь радость во Христе и Его общине совершенна. Совместная жизнь христиан под Словом приводит к своему исполнению в таинстве.